



НЕ ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ ИЛИ ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Посвящается сгинувшим и павшим

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марк Зайтуновский

18+

Марк Зайтуновский

Не донские рассказы, или Время колокольчиков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68542810

SelfPub; 2022

Аннотация

Дорогой, потенциальный читатель! Сборник, предложенных автором небольших, но динамичных рассказов, имеет одну общую идею. В них описаны судьбы людей сломленных, раздавленных, раненных дикими переменами 90-х годов. Это истории о простых людях, так сказать, смертных, о подростках и молодежи из рабочих кварталов городов нашей страны. К сожалению, Судьба-злодейка уготовала многим из них роль анти-героев, жизнь с нереализованными мечтами и внутренним потенциалом. Виноваты в этом герои лично или стоит клянуть обстоятельства жизни, достойны они осуждения или понимания каждый пусть решает сам. Название "Не донские рассказы или Время колокольчиков" взято неслучайно, автор хотел противопоставить судьбы героев своих рассказов судьбам героев рассказов М. Шолохова "Донские рассказы", в которых несмотря на весь драматизм чувствовалась перспектива, коей не оказалось у героев предложенных историй "святых 90 х". Ну, а уж: "Если

мы не отлили колокол, значит здесь время колокольчиков".

А.Башлачев

Содержание

Предисловие	5
Неразрешеная[1] исповедь	10
Мрази!	22
Негодная жизнь	27
Время колокольчиков	42
Простая история	63
Володя	73
Встреча	81

Марк Зайтуновский

Не донские рассказы, или Время колокольчиков

*Хроники с фронтов проигранной войны,
посвящаются сгинувшим и павшим.*

Предисловие

«Заговори со мной, чтобы я тебя увидел».

Сократ

Читатель! Предложенные твоему вниманию рассказы, несмотря на то, что повествуют о разном, вкуче, как мне кажется, дают некоторую целостную картину, они, если так можно сказать, автономные и вполне самостоятельные пазлы, но сложенные вместе образуют нечто монолитное.

Я взялся за перо, начиная эту серию рассказов, не имея, к слову, ни малейшего опыта в таком деле, как сочинительство, за исключением конечно школьных сочинений, был движим идеей показать не только трагедии героев, но и, пусть не явно, а, как бы фоном, указать на причины этих трагедий. Насколько это получилось, судить тебе!

В своих рассказах я сознательно избегаю хеппи-эндгов, от-

части потому, что у героев есть или были свои прототипы, с похожими судьбами, а отчасти потому, что постоянный хеп-пи-энд, которым нас пичкают со всех щелей, настолько ослепил нас, что, продолжая двигаться к катастрофе, мы этого не видим и не хотим видеть. «Дерево познается по плодам», – сказал Христос, так какие плоды созреют у того насквозь проеденного червями дерева, которое мы сами взрастили и продолжаем взращивать?

Я убежден, что каждое произведение, а не бестолковая попса, будь то: стихи, песня, музыка, картина, фильм, спектакль, роман, повесть или рассказ – это попытка автора, в силу своего понимания, отразить реальность, отразить жизнь, в ее многогранности, задать вопросы, которые его мучают, поделиться сделанными выводами, предоставить свободу читателю сделать вывод самому. И вот поэтому, с некоторой долей дерзости, с заявкой на то, что мои рассказы все же произведения, а переживания, излитые в них, откликнутся в твоей душе, мне хотелось бы совместно с тобой поразмышлять о причинах, описанных трагедий, и подумать о последствиях нашей сегодняшней слепоты.

Лично я, ни в коем случае, не претендую на исключительную объективность, нет, я лишь хочу спросить и себя и всех нас: «что мы такое построили, возвели, так сказать, на пепелище и руинах Отечества, в котором многие из нас родились, Отчизны, за которую проливали кровь и пот, отдавали жизни на фронтах войны, на фронтах трудовых баталий мои стар-

шие соотечественники, мои старшие товарищи, что принцип безумного Фридриха Ницше: «падающего – подтолкни» не только не вызывает у нас оторопь и рвотный рефлекс, а стал инструкцией к применению? Необходимым условием выживания?» Каждый ответит по – своему, но, солидарность, по большинству позиций, я уверен, будет иметь место.

* * *

Практически все герои моих рассказов имеют негативную окраску, кто-то в бóльшей степени, кто-то в меньшей, большинство же из них заслуживают понимания и снисхождения, ровно настолько, насколько часть героев – мерзавцы!

Как не крути, человек существо социальное и окружающее его общество со своими правилами, идеями, шкалой ценностей является, как мне видится, если не основополагающим, то безусловно весьма важным фактором в выборе человека, в его свободном волеизъявлении, ведь не зря на заре христианской эры апостол Павел подчеркнул: «не оболщайтесь, дурные сообщества развращают добрые нравы», и, если людей, развративших свои добрые нравы, вокруг меня все больше и больше, значит я представитель дурного сообщества. Значит пора меняться и...

Недопустимо продолжать просто смотреть, цокая языком и покачивая головушкой, как жернова ачеловечной жизни хладнокровно перемалывают наши личности. Важно прий-

ти к осмыслению своей жизненной цели. К пониманию того, к чему я стремлюсь, ради чего я это делаю, что я хочу в итоге увидеть, стоя на краю выкопанной могилы и окидывая мысленным взором пройденный путь? Может я хочу увидеть слезы матерей и жен? А может разжиревших и самодовольных детей-недорослей и внуков-инфантов, жаждущих только комфорта и сытости, вне зависимости через какую преграду для этого необходимо переступить: принцип или человеческую судьбу? Если так, то даже не стоит напрягать свои мозги и задаваться вопросом: «Что останется после меня? Согреет ли кого-нибудь воспоминание обо мне?». Если же я таки хочу понять, что я делаю на этой несовершенной земле, для чего я пришел в этот непростой мир, если меня гложет мысль, что родился я, скорее всего, не для того, чтобы стать «коптителем неба», то пора начать размышлять и искать ответ уже сейчас, иначе можно не успеть, ведь «дни лукавы».

Однако, хотелось бы всех нас предостеречь, что в поисках верного решения велик соблазн развешивать ярлыки и выносить обвинительные вердикты налево и направо. Поэтому, не будет лишним обратить на это серьезное внимание. Этим предостережением я, ни в коем случае не хочу сказать, что мы должны оправдывать и соглашаться со свинством и уродством в себе, в окружающих людях и окружающем мире, нет, – это лишь призыв объективно взглянуть на себя и особенно на ближнего, на условия его жизни, на его окружение, на его воспитание, которые и сформировали его в ито-

ге. Конечно последнее слово всегда за самим человеком, но у всех, говорящих последнее слово перед судьбоносным выбором, бывают разные стартовые позиции, и это необходимо учитывать в оценке его поступков.

ПОСТКРИПТУМ

В предложенных рассказах описаны истории, которые не могли не произойти в данных условиях жизни. Описанные трагедии, ни что иное, как закономерные промежуточные «станции» того жизненного пути, на который, к сожалению, мы – таки свернули, все вместе, дружно в обнимку, под незамысловатые песни; но движемся мы по нему все же в одиночку, независимо друг от друга, изнывая от ожидания подножки, со стороны рядом идущих соплеменников.

В этих историях я постарался передать не только события, но и тот отвратительный запах и вкус, которыми эти события питаны!

Неразрешенная¹ исповедь

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в миреборьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность может прервать её».

Николай Островский «Как закалялась сталь»

Закружилась голова, потемнело в глазах, земля стала уходить из-под ног. Это очередной приступ. Я падаю назад, ударяясь затылком о бордюр, резкая боль в шее, вернее в шейных позвонках, тело немеет. Неужели это конец? Так нелепо и глупо закончить свой земной путь в прекрасный июньский день, когда ты ещё не стар, когда дома ждут мать и любимая племянка, которая носится, наверное, сейчас по двору, сдирая колени в кровь – она у меня сорванец!

Говорят, что смерть от перелома шейных позвонков мгновенная, не знаю, наверное, у каждого по-разному. Я успеваю

¹ Неразрешенная – то есть исповедь, не являющаяся в собственном смысле таинством Церкви, так как, над исповедующимся не прочитана разрешительная молитва. Грехи не разрешены (не отпущены).

отлистать несколько страниц своей потускневшей с годами жизни назад, перечитать вновь, написанное в них корявым подчерком легкомыслия, бесплодно поразмышлять над прочитанным... в последний раз!

* * *

Глубокой ночью, когда в соседней комнате наконец-то уснули родители, я шестнадцатилетний подросток дочитываю, нет, проглатываю остатки повести Островского «Как закалялась сталь». Я даже сейчас помню те непередаваемые переживания и эмоции, которые изгнали сон напрочь. Через два дня у меня соревнования, я лыжник, и я фаворит в своем возрасте, мне лучше бы отдохнуть, набраться сил в эти два дня, но в голове у меня: трагедия, боль, разорванные в клочья судьбы людей, живших, каких-то шестьдесят лет назад. Какое несгибаемое и безжалостное время, какие характеры, какая людская низость и высота показаны, какие жестокие ошибки, какая жажда жизни, все это не дает мне покоя, будоражит, волнует, заставляет обидеться на судьбу, что я не родился тогда, что не жил в суровые двадцатые.

На соседней кровати мирно спит моя младшая сестра, тоже любительница ночных чтений, но она всегда спокойна, герои ее книг не отнимают у нее сна. Как я счастлив, что она у меня есть, правда моя гордость и радость за нее отлично замаскированы колкостями и резкостью в ее адрес, ну не

должен же я, старший брат, выказывать непозволительную для мужчин нежность.

Дверь в комнату открывается, на пороге стоит отец, он недоволен и строг: «Ты почему не спишь?». Оказывается, я забыл выключить стоящий рядом с кроватью торшер, и позволил себе с головой окунуться в свои размышления, переживания и мечты.

* * *

Солнечный зимний полдень. Слегка морозит. Городской парк полон людей, кто-то гуляет с детьми, кто-то ждет начала лыжной гонки. Мой номер седьмой, и у меня учащенно стучит сердце, волнуясь. Я не показываю вида, но я очень счастлив, что среди зрителей моя сестренка и отец, мама осталась дома, не любит она подобных мероприятий, она, вообще, никогда не показывает своей слабости и сентиментальности, свойственных всякой женщине. Мне даже кажется, что мой суровый отец намного мягче и эмоциональней ее. Ну да, пусть сидит себе дома, хлопочет на кухне, она это, ой, как умеет. Мне сейчас хватает поддержки и любви отца и сестры.

Выстрел стартового пистолета, и я рванул. Трасса непростая, изгибистая, много подъемов, много спусков. Деревья мелькают, я счастлив, мне хорошо, я чувствую скорость, я чувствую энергию жизни, морозный воздух впивается в мое

обветренное лицо множеством мелких иголок. В какой-то момент мне начинает казаться, что и подъемы, и спуски, и снег, и колючий ветер – это живые сущности изо-всех сил, старающиеся прервать мой бег, нет не бег – полет: «Не выйдет, друзья мои, ничего у вас не выйдет, сегодня я сильнее вас!»

Финишная прямая, за вожделенной чертой – толпа, как единое живое существо колыхается и галдит. Остается не больше ста метров, мы бежим «ноздря в ноздю» с моим другом, остальные безнадежно отстали, я выкладываюсь на полную, друг не сдается... тридцать метров, двадцать, десять и вдруг, вырвавшись из рук своей мамы, из толпы, мне навстречу выбегает какой-то шалопай, я успеваю затормозить «плугом», кое-как удержался на ногах, окатив мальчика брызгами снега из под лыж, но скорость безвозвратно сбита, время потеряно, мальчишку кто-то подхватывает на руки, путь открыт и... мой друг пересекает черту первым, я второй. Обидно до слез, я готовился, я в ударе, но не я первый! Подбегает сестра, подходит отец, поздравляют, не помогает – я расстроен, я недоволен собой, я злюсь на нерасторопную мамашу, не сумевшую удержать своего малыша.

Награждение. Главный судья вешает мне на шею медаль, вручает грамоту, мой друг обнимает меня и признает, что он первый по случайности, и, вдруг, я чувствую, что досада от нелепого проигрыша отступает, я вновь счастлив, нет, я бесконечно счастлив. Я честно бился, я второй, рядом родные

отец и сестра, что может быть лучше?!

Мы втроем возвращаемся домой, под ногами скрипит снег, солнце светит уверено и ярко, хотя до весны еще далеко. В такие моменты на ум всегда приходит один и тот же отрывок Пушкина: «Мороз и солнце, день чудесный...открой закрытой негой взоры...звездою севера явись», сто пятьдесят лет назад он умер, а писал, как будто про сегодня, про меня, как будто знал и о гонке, и о втором месте, и о моем счастье, и о идущих рядом моих любимых сестре и отце.

* * *

Позади армия. Эх, прекрасное было время товарищества, дружбы, муштры, самоволок и старых, добрых «дедов». Я молод и полон сил, я буквально врываюсь в наступившую жизнь. Она и радуется, и одновременно страшит своей необузданной вольностью. Днем я тружусь на заводе, а вечером мы с друзьями частенько загуливаем в единственный в нашем районе кабаке и высматриваем потенциальные жертвы: гуляющих фарцовщиков и самодовольных кооператоров. Что ж, жизнь она такая, за все надо платить, тем более за спекуляцию. Стоп! Когда я начал так рассуждать? в какой момент своей жизни я вдруг стал делить людей на тех, кто имеет право и тех, у кого этого права нет? На «своих» и «чужих»? Я ведь всегда знал, всегда, – что закон джунглей: «Кто сильнее, тот и прав» – это катастрофа, это потеря своей человечности,

которой каждый из нас должен дорожить изо всех сил. Да ведь, в конце концов, на каждого сильного всегда найдется еще более сильный... Не помню, и никогда уже не вспомню, когда я стал так мыслить, когда в моей жизни произошла – таки эта самая катастрофа!

* * *

На дворе поздний осенний вечер. Глухой двор. В окружающих домах все окна глядят зловещей мрачной пустотой, чувствуя себя под их прицелом, я вспоминаю соседа – старика, из своего детства, у которого не было левого глаза. Я всегда всматривался в эту пустую, темную, глубокую впадину, как мне казалось, видящую меня насквозь, несмотря на её тотальную слепоту.

В центре двора детская карусель, ветер подвывает и обгладывает ветви и без того голых и беззащитных в своей нагоде деревьев. В нескольких метрах от фонарного столба стоят сильно напуганные двое заезжих торгашей. Они стали жертвой своей похоти. Наша смазливая подруга, наша «приманка» Оля без особых проблем подцепила их в кабаке. И вот, они, извиняясь снимают часы, их портмоне уже у нас. Один из них неожиданно начинает дерзить и угрожать – дурак: «Да, вы знаете с кем мы работаем? Да, вас порвут завтра же! И тебя, сучка!», он оборачивается к Оле... После нескольких ударов он приседает и просит нас успокоится: «Все, все, ре-

бьята, я понял». Мы перестаем его бить, но, неожиданно даже для нас, к еще сидящему на корточках торгашу и ловеласу подбегает Оля и начинает пинать ногами, стараясь пробить его голову своей шпилькой: «тварь, животное...». Да, жестокая и стервозная баба – наша Оля, хотя с таким мужем какой был у нее, она могла стать еще хуже... уж я-то знаю!

* * *

Умирает отец, он «сгорел» за считанные недели. Рак – это приговор. На похороны прилетела моя сестренка, она живет и работает далеко от нас, повезло ей. Мать, как всегда без лишних эмоций, хотя я знаю, ей очень больно, она до умопомрачения любила отца и также любит меня, я сильно похож на него. «Папа, папа, ты, как в безоблачном детстве, когда морозными зимами своей отцовской властью, будил нас с сестренкой в единственный выходной на лыжную прогулку с термосом горячего чая и бутербродами с салом, а летом увозил на реку, с ночевкой, где ты катал нас на своем катерке. Ты вновь собрал нас, также авторитарно и безапелляционно, мы снова вместе всей семьей, но...уже в последний раз». Я плачу, мне плохо, я сильно люблю его!

Я продолжаю жить сегодняшним днем, жить в том же кругу, по тем же незамысловатым законам. Я почему-то не вижу цели, я не вижу, что впереди, к чему стремиться. Девушка, которую я полюбил, в тайне от меня делает аборт. Она убивает ребенка, моего ребенка... Мне хотелось ее растоптать, но я отпустил ее. Живи! Хотя бы ты живи! Как хочешь живи!

Некоторые из моих знакомых, не совсем близких конечно, устраивали свою жизнь довольно успешно. Молодцы! Но я почему-то не понимаю, ради чего, зачем? Наверное, это потому что, у меня у самого внутри пустота и серость, мне неинтересна эта жизнь, нет в ней какой-то «изюминки», а ведь была, я знал, что была, и вдруг её не стало. Живешь вот так, и видишь в глазах окружающих, если не злобу, то безразличие и лицемерие. Есть хорошая поговорка, что каждый думает в меру своей испорченности. Вот и я, вижу это раскрашенное в яркие цвета окружающее меня уродство и безобразие, потому что в душе у меня стало уродливо и затхло, как старом погребке. Но, Боже мой, этого же не было, не было, когда я рос, когда бегал на лыжах, когда мне разбивали нос в драке, не было, когда читал Островского и Пикюля, не было в учебке, не было в самой армейке... Как же я проглядел, как не заметил тот момент, когда и внутри меня и снаружи все перевернулось с ног на голову?



«Кто рули и весла бросил,
тех нелегкая заносит, так уж
водится»

В. С. Высоцкий «Две судьбы»

Моя жизнь застыла. Мимо нее пролетают события и яркие и не очень, и шумные и траурнотихие, но только некоторые из них заставляют меня встрепнуться, задуматься, заплакать. Погибает мой друг, мой лучший друг, сколько раз он пытался вытянуть меня из болота, в котором я крепко увяз. Он разбился, авария, унесшая его жизнь, не оставила ни ему, ни его семье никаких шансов на счастье. В тот мрачный день его не дождались дома жена и малолетняя дочь.

Вслед за этой бедой, пришла вторая – утонул мой дядя, любитель компаний, рыбалок и Высоцкого, он мне был и дядей, и другом, и старшим братом. Какие бессмысленные смерти!

Наверное, Бог услышал мой вопль, и сестра родила чудесную дочурку, мою любимую племяшку, которая внесла некоторый смысл в мою стерилизованную жизнь. Сестра после рождения ребенка не долго пожила рядом с нами, оставив дочурку нашей матери, рванула со своим мужем искать бла-

гополучия в других краях.

Племяшка растет, и я безумно ее люблю, но, апатия и бесцельность берут свое, я отказываюсь переживать радость жизни, меня больше ничего не цепляет, я бросил работу, работаю поденщиком, все больше грузчиком.

В деньгах я нуждаюсь ровно настолько, насколько не хочу чувствовать свою бесполезную и пустую жизнь. И даже в этом я эгоист и, черт знает кто еще, ведь рядом растет племянница, ради нее каждодневно суетится моя мать, а я им не опора.

Я дошел до того, что какой-то безусый и зеленый оперок, вчера окончивший заочно школу МВД, вкупе со своими «боевыми товарищами» решили сделать за мой счет план по раскрытию преступлений, да каких... Меня, грузчика, давно уже без амбиций и интересов, давно уже отказавшегося идти на все ради денег, подставляют под статью «фальшивомонетничество». Смех, да и только.

Через три месяца, которые я провел в следственном изоляторе; где многое в определении порядочности каждого сидельца решают уже не мужские качества и даже не приверженность душой и телом арестантской идее, а сумма в твоём отоварочном квитке и объем получаемых передач – меня повезли на суд. Судья, не скрывая негодования, кричит на весьма находчивую, но бестолковую опергруппу, сфабриковавшую мое уголовное дело. Молодой и неопытный адвокат, которого мне предоставило государство, наблюдает за про-

исходящим широкооткрытыми глазами, качает головой и цокает.

«Ничего, дружок, это только начало твоей карьеры и скоро, очень скоро, тебя не будет волновать намотанная на дыбу «правосудия» будущая судьба защищаемого тобою человека, твоего, так сказать, подзащитного, возможно также подставленного под статью, возможно оступившегося, возможно неоступившегося. Всё сведется, к банальному бизнесу, к банальному зарабатыванию денег, без боли в сердце, без качания головой и цоканья языком. Человек ко всему привыкает, такие уж мы существа!»

* * *

Я вышел на свободу, но она меня не радует. Вся та же сестрость, бессмыслица, безысходность, деградация – ты интересен кому-то ровно настолько, насколько с тебя можно, что-то поиметь. Человек! ты уже никак не звучишь, ни гордо, не ни гордо, ты не смотришься, как образ Божий, о чем часто говорят с церковного амвона и в воскресных школах, ты – ресурс или материальный, или физический. Но, что меня особенно смешит, так это тождественность такого отношения к человеку у дворовой гопоты, бесконечно выясняющей кто правильнее и круче и вышибающих у тех, кто послабее то деньги, то водку, то наркоту и у зажавшихся чинуш, которых можно ежедневно видеть в телевизоре, пожирающих

друг друга также яростно и беспощадно, хотя, и это особенно забавно, под более возвышенными лозунгами.

Это не свобода, это, что-то другое, и я не могу дать этому имя, да и не к чему это сейчас. Я чувствую, как жизнь покидает меня. Мне страшно и жалко себя, жалко, что я так и не ответил на главный вопрос – для чего я приходил в этот мир? Жалко, что моя племяшка будет расти уже без меня, жалко мать, которая любит и терпит меня, любит еще и за то, что я копия своего отца, копия ее мужа. Жалко сестру и ее мужа, с которым мы, в чем-то похожие друг на друга, так по – настоящему и не подружались...

Мое не до конца онемевшее тело еще чувствует, как его пытаются поднять, я, что-то слышу, какой-то людской гул, но ни слов, ни голосов уже не разбираю... Вдруг, сам не знаю почему, в голову врывается песня Высоцкого: «Вот, и сбывается все, что пророчится. Уходит поезд в небеса – счастливый путь. Ах, как нам хочется, как всем нам хочется не умереть, а именно уснуть»... Как точно сказано! Но я исчерпал свой лимит сна, я спал и спал намеренно половину своей жизни. По – видимому, пришло время проснуться..., но уже там, куда уходят безвозвратно.

Мрази!

«Кто же он? стало быть подлец? Почему ж подлец, зачем же быть строгу к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные...»

Н. В. Гоголь «Мертвые души»

Я спокойно курю на своей лестничной площадке, равнодушно наблюдая, как две опустившиеся особи мужского и женского пола суетятся возле третьей, лежащей на бетонном полу между этажами с посиневшими губами. Это «нечто» сдыхает от передозировки героином, купленным здесь в моем подъезде. Кто бы знал, как они все надоели – эти недо-человеки! Сил больше нет, есть сухая ненависть. Почему я, приходя с работы, где честно вкалываю, зарабатывая на жизнь своей семье, должен видеть постоянно снующих по своему двору и подъезду опустившихся зэков, молодых гопников, бывалых, потрепанных и только, что обратившихся проституток?

Мой двор, в котором я рос, играл пацаном в хоккей и футбол превратился в центр концентрации человеческого отребья, которые отравляют этот воздух, эту жизнь одним лишь своим присутствием.

Но почему же я не изливаю свою справедливую ненависть на своих соседей цыган, заполонивших мой двор лет два-

дцать пять назад и устроивших здесь настоящий подпольный базар, торгуя сначала водкой, потом сигаретами, которые вдруг неожиданно пропали с прилавков магазинов, а у них они лежали коробками, тогда окурочек стал стоить у бабок-торгашек пять копеек, да, да, окурочек пять копеек, при цене хлеба двадцать четыре копейки. Когда они, мои соседи, стали торговать анашой, чуть позже ханкой, а сейчас героином? Почему, ведь они своим зельем привлекли абсолютно всех желающих одурманиться со всего города? Они, которые никогда не учились в школе, если не считать эпизодического посещения начальных классов, они, с которыми любезничает и поддерживает соседские отношения моя мама, они с которыми я при встрече здороваюсь за руку и могу постоять, покурить, обсудив дворовые новости? Почему? Да потому, что эта шваль, такая же, как эти трое, сама претя сюда, её на аркане сюда никто не тащит, им, этому отребью, всё это самим нужно, они сами выбрали то, что имеют... и этот, в грязном спортивном костюме и до дыр затасканной кожаной куртке, ублюдок, с прилипшей к стоптанным туфлям уличной грязью, валяющийся на заплеванном бетонном полу моего подъезда, он сам приперся сюда, чтобы купить на сворованные деньги дозу-две-три героина и из страха перед, постоянно дежурящими во дворе ментами, а может просто из своей поганой наркоманской жадности впороться между этажами рядом с мусоропроводом, выкинуть на пол шприц, запачканный своей спидушной кровью, и...сдохнуть... Жал-

ко ли мне его? Нет, нисколько! Я спокойно и с презрением смотрю на него, на этих двух опустившихся торчков, суеятщихся возле него, что-то делая с недвижущимся телом, пытаюсь вернуть его с того света... Куда ему и дорога! И они похоже уходить не собираются, пока не поднимут его или пока не убедятся, что его больше никогда не поднять. Девку я не знаю, а вот этот лохматый и опустившийся с худой и почерневшей рожей из соседнего двора, из моей школы, он учился на два года младше. Он повернулся в мою сторону, я смотрю на него сверху вниз, оперевшись на перила, смотрю прямо в глаза, слегка ухмыляясь, и выпускаю в его сторону струю табачного дыма, расстояние между нами большое и выпущенный мною дым рассеется так и не ударив ему лицо, но он понял мой жест, он понял, что я презираю его, эту шлюху, этого сдыхающего пса и всех им подобных.

А я ведь помню его по школе. Лет двенадцать назад, когда я учился в старших классах, он на две параллели младше. Было видно, что он не разгильдяй, не активист конечно, но...учился, вроде как, не плохо, где-то занимался спортом, на переменах тайком курить не бегал...Что же с ним случилось? Да, какая разница! Важно не то, что было, а что здесь и сейчас, а сейчас он ползает вокруг грязного, вонючего наркомана, делая ему дыхание рот в рот, в рот с посиневшими губами...тьфу, как противно...Рядом с ним худая напуганная проститутка, которая явно боится, что начнется облава и менты начнут прочесывать подъезд, а она, по всей видимо-

сти, «заряжена» наркотой и, если их поймают тут, ей грозит срок, либо, если повезет... ха-ха-ха, отработает и отмажется, ей шлюхе все равно терять нечего.

Этот, из моей школы, опять смотрит на меня и просит столовую ложку, чтобы засунуть этой подыхающей падали между зубами, которые сильно зажаты, по всей видимости, от большого, бля, удовольствия. Я молча смотрю на него, еще более ухмыляясь, неужели ты, скотина, не видишь, что я не докурил, что мне плевать на вас всех и на ваши никому не нужные жизни, чтобы бежать за ложкой, которую ты всунешь в рот этой сдыхающей от кайфа твари?.. Нет, я не собираюсь никуда идти!

Он кричит на меня, в его глазах я вижу сначала мольбу, потом злость, потом решимость... Решимость на что? Может вцепиться в меня зубами, я вдруг вижу в его глазах лютую ненависть к себе и моему отношению к ним и этой си-неющей мрази, его глаза сверкают лютой ненавистью... Да я, сука, прибью этого недоноска-торчка с двух ударов, но... не убью же. А, что, если он надумает отомстить? От этих шакалов всё можно ожидать.

Внешним видом, я никак не выдаю своего смущения, однако чисто механически докуриваю сигарету в две затяжки, не смакуя вкуса табачного дыма. Фильтр, зажатым указательным и большим пальцем, так и просится быть брошенным в сторону этой смердящей тройцы, но я сдерживаюсь, и щелчком выстреливаю им в стоящую рядом банку-пепель-

ницу, после чего двигаюсь к своей двери, чтобы вынести этому ублюдку то, что он просит.

Я захожу в квартиру, прохожу на кухню, быстро достаю из кухонного стола ложку, выношу её на лестничную площадку и с презрением, как подачку, как милость швыряю в сторону наркомана из соседнего двора, за спиной которого стоит испуганная, почти уже плачущая шлюха, швыряю и возвращаюсь обратно, искренне надеясь на то, что ложка им уже не поможет реанимировать эту подышающую залетную скотину.

Через десять минут я слышу какой-то шум в подъезде на моем этаже, слышу мужские голоса. Я выхожу и вижу, как грязного торчка, еще недавно валяющегося с синими, как у утопленника губами и сжатыми зубами, обыскивают два оперативника. Торчок стоит лицом к стене, ноги на ширине плеч, руки подняты вверх, голова повернута в пол-оборота, губы невнятно и медленно что-то бормочут в своё оправдание. На полу возле его ног лежит пачка сигарет и зажигалка, в углу валяется вынесенная мною ложка. Наркомана с соседнего двора и его спутницы проститутки нет. «Успели свалить», – подумал с досадой я, заходя обратно в квартиру.

Негодная жизнь

*«...В этом мире немывом
Душу человеческую ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно, чем быть королем...
Гамлет восстал против лжи, в которой
варился королевский двор.
Но если б теперь он жил, то был бы бандит
и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный».*
Сергей Есенин «Страна негодяев».

Виталий встает из-за стола, заставленного початыми бутылками водки, фруктового вина, «Жигулевского» пива, какой-то закуской и уходит с вечеринки, оставляя наедине с тремя своими старшими и пьяными приятелями Марину, девушку, которая пришла с ним, которая доверяет ему и, по всей видимости, любит его, любит той еще незапыленной и наивной любовью, что заставляет смотреть на своего избранника восторженным и одновременно невидящим взглядом, взглядом незамечающим ни мелких изъянов, ни явных искажений, как в душе, так во внешности.

Он уходит не оборачиваясь, точно зная, что на него смотрит Марина; смотрит сначала растерянно и удивленно, но

удивление очень быстро сменяется пониманием происходящего, – взгляд, еще недавно искрящихся глаз гаснет и смиряется.

Так смотрят на опускающийся в холодную, черную могилу гроб с безжизненным остывшим телом близкого тебе человека. Ты смотришь и понимаешь, что никогда он больше не порадует, не удивит, не расстроит, не озадачит, ты четко понимаешь, что это конец, и только в памяти будут всплывать какие-то картинки, эпизоды, случаи – со временем, теряющие свою яркость и теплоту.

* * *

Марина пришла домой под утро, выпившая и опустошенная, прошла на кухню, зачем-то налила кружку холодного чая и закурила. На шум вышла мать, посмотрела на задумчивую и молчащую дочь, вздохнула и, не сказав ни слова, вернулась в свою комнату.

Девушка обдумывала пережитое, она не считала себя эталоном девичьей скромности, но быть втянутой так дешево, грязно и по-предательски во взрослую, женскую жизнь – было для нее ударом тяжелым и болезненным. Конечно она понимала, что ей, учащейся ПТУ, третьему позднему ребенку матери-одиночки, сокращенной вместе с хлебзаводом, на котором пришлось проработать много лет и теперь зарабатывающей мытьем полов в детском саду, рассчитывать на излиш-

не романтическое ухаживание со стороны парней не приходится, но...ведь не также паскудно и подло, но ведь она тоже человек. И Виталий, и трое его старших друзей, давших, как они сами с издевкой сказали ей, глядя в лицо и выпроваживая из квартиры, «путевку в жизнь», прекрасно знали, что в милицию она не пойдет, а заступиться за нее некому. И вот эта мысль, это страшное понимание, что никто в целом мире не станет, не захочет ее защищать, заставили ее прослезиться впервые за прошедшую страшную ночь.

* * *

Новости, отдающие мертвечиной, разлетаются со скоростью смачного харчка, все зависит только от того, кто выхаркивает в белый свет очередное склизкое событие из своей пустой и бессмысленной жизни. Трое персонажей, проводших ночь с пэтэушницей Мариной, любили, ехидно посмеиваясь и постоянно привирая, смаковать какие-нибудь подробности, слабости, ошибки, страхи девушек, с которыми их сводил случай. Они выносили это на общий обзор слушавшей их дворовой братии, которые от представляемых картин в одурманенных, как правило, головах начинали также ехидно посмеиваться и пускать слюни.

Марина стала ловить на себе хихикающие и однозначные взгляды дворового хулиганья. Количество глаз, желающих разглядеть ее поподробнее, росло прямо пропорционально

количеству слюны, выпущенной от нехитрых рассказов.

* * *

Развлечения дворовой молодежи были до тошнотворности банальны. Пределом мечтаний являлась ночная тусовка на чьей-нибудь оставленной вдруг родителями квартире. Веселились под дешевый алкоголь, сигареты, бессмысленные песни, разжижающие и без того не особо твердые мозги. Парней, как правило, на таких мероприятиях было всегда больше, раза в два, по-видимому, за дочерьми родители бдели все же поостроже.

Подобные ночные «приключения» со своей иллюзорностью свободы, самостоятельности и взрослости в итоге нередко становились причиной утренних душевных терзаний; чья – то совесть хлестала укорами сильнее, чья-то слабее, но и первые и вторые с одинаковым остервенением глушили и подавляли такие непозволительные, как им казалось, претензии совести на их право решать, как и чем им жить. С каждой такой победой над собой, душа становилась более черствой, более бесчувственной, терзания прекращались, а бесстыдство и наглость обильно напитывали опустошенные сердца и умы еще вчерашних детей, имеющих некогда свои светлые мечты и уверенных в том, что слабых надо защищать, а упавших не добивают.



Бесцельность подобного существования очень быстро сформировала у Марины свое восприятие жизни. Какое-то время ее постоянно звали в веселые компании, звали, как женщину, женщину доступную. Она перестала думать о жизни спокойной, перестала мечтать о жизни семейной: с постоянно недовольным, но своим, родным мужем, с ропотом на свекровь, с сопливыми детьми, с одалживанием денег до зарплаты – все это осталось, где-то далеко, Марина жила одним днем. Всё и вся, что ее окружало в настоящем было, как – то скомкано и уродливо. Сестры продолжали то сходиться, то расходиться со своими сожителями, возвращаясь очередной раз домой, зачастую в некотором подпитии, жаловались на своих мужчин, которые не особо стеснялись в мерах физического воздействия; дворовые подруги, проводившие своих парней до исправительных учреждений, очень скоро начинали, как они сами это называли: «встречаться», – либо с дружками посаженных «бойфрендов», которые, по независящим от них причинам, пока не были определены в места не столь отдаленные, либо с теми, кто вынырнул из этих мест на некоторое время. Кто-то из подружек, не мудрствуя лукаво, разбредался вечерами вдоль проспектов, останавливая, не особо озадаченных построением правильной семейной жизни автолюбителей, и проводили с ними некоторое

время за определенный денежный гонорар... «Опасно, конечно, но ведь жизнь в принципе вещь опасная», – рассуждая, таким образом, девицы зарабатывали деньги, которые мгновенно разлетались на примитивные удовольствия.

Парни, вышедшие на свободу, умело загибающие изрисованные пальцы и хвастающиеся друг перед другом, сидя на корточках, своей арестантской доблестью и честью, как-то на удивление слепо верили в неземную любовь своих подружек, которые по-прежнему продолжали крутить «придорожные романы». Дерзкие и несломленные они жили с ними, жили за их же счет, изредка подкидывая в семейный бюджет какие-то крохи, по мышиному ими подобранные, как правило, на квартире у своих же знакомых во время очередной гулянки.

* * *

«...однако же и в падении своем гибнущий грязный человек требует любви к себе? Животный ли инстинкт это? или слабый крик души, заглушенный тяжелым гнетом подлых страстей, еще пробивающийся сквозь деревенеющую кору мерзостей, еще вопиющий: «Брат, спаси!». Не было четвертого, которому бы тяжелей всего была погибающая душа его брата».

Н. В. Гоголь «Мертвые души»

Страшно, когда злодейка-судьба приговаривает к жизни,

лишенной человеческого смысла. Когда разложение – это все, чем можно довольствоваться, при этом, внушая себе, что так, а не иначе должно быть и это, вообще-то здорово. Когда толпы обреченных, упрямо и слепо рвутся к пропасти, увеселяя свою похоронную процессию дешевым пойлом и, вдруг ставшей доступной для всех, наркотою.

Марина, подсев в определенный момент своей монотонной и одинокой жизни, «на иглу» не долго сопротивлялась уговорам уже состоявшихся уличных див: «Ты чё выпендриваешься? Недотрога нашлась! Типо есть чё терять, что ли? А так, за тоже самое и деньги, и глядишь и подцепишь кого!», – в этот момент рассказчица поворачивалась к своей стоящей сбоку компаньонше с вопросом: «Помнишь Наську «Малую» на выезде стояла?», компаньонша с замороженными глазами и тлеющей сигаретой во рту уверенно, но, как-то медленно кивала головой, а подруга продолжала вещать Марине историю о свалившемся на Наську «Малую» счастье в лице клиента, влюбившегося в нее по уши, и подарившего ей счастье нормальной семейной жизни.

Подобные истории-былины передавались из уст в уста; девчонки, переставшие уважать себя, как девушек, как женщин, рассказывали о «наськах-малых», на промозглых обочинах городских шоссе, в теплых прокуренных притонах, сидя на ступеньках серых оплеванных подъездов, в ожидании момента, когда барыга соблаговолит взять их деньги, пропитанные позором и невыплаканными по девичьей чистоте

слезами, за химический заменитель счастья и радости. Такие рассказы нужны были им, как воздух, как надежда. Эти добрые сказки с неминуемым хеппи-эндом будоражили сознание и не позволяли замечать, как каждая из них неизбежно растворяется в злосмрадии постоянного кошмара придорожной жизни.

... Тот род деятельности ублажения не всегда адекватных, но всегда похотливых клиентов, на который-таки с агитировали Марину, не стал для нее чем-то ужасным; что-то в ней давно уже умерло, нет, скорее, было убито, а значит не могло болеть... и не болело!

* * *

Виталий, спокойно оставивший девушку, любящую его, один на один с тремя пьяными парнями, вышел на улицу без особого волнения и переживания, его удручало одно, он хотел бы остаться там, но старшие приятели категорически отказали ему в этом: «Не дорос ты еще, Виталик, до такого».

«Да и черт с вами», – выругался он уже на улице, главное я в теме!» Тема, о которой так обрадовался молодой человек была проста, немного опасна, но очень прибыльна – развоз по «точкам» небольших партий анаши.

Наступившая жизнь хладнокровно сломала не только внутренние барьеры в человеческих душах, но и внешние границы дозволенности. Главное суметь заработать денег, не

важно, как, главное побольше и ты – молодец! Победителя-не судят! Надо только стать победителем, пока тебе не оторвали голову более «правильные пацаны» или не поймали резко ослабевшие и одновременно озлобившиеся менты.

«Кто не рискует, то не пьет шампанского!», – решил для себя Виталий и первым взносом за достойную жизнь под шампанское стала пэтэушница Марина, мечтающая поскорее закончить училище, устроиться на работу куда угодно, чтобы только начать самостоятельную жизнь, найти мужчину и родить детей.

Он уверенным шагом вошел в дело, сулящее некоторые перспективы в жизни, отдав для развлечения беззащитную девушку без отца, без брата, тусующуюся в компании таких же окончивших первый курс пэтэушников и смотревших на Виталия снизу – вверх.

«Взнос» оценили, мечта сбылась, Виталий был в «теме». Уже через пару месяцев присутствия в новой барыжной тусовке, он разъезжал на общем Жигуленке – «копейке», развозя зелье по «точкам» розничной торговли. Время бежало, дела шли, траву сменил, более жесткий дурман... шампанское полилось.

Однажды правда, настроение Виталия было подпорчено, он случайно, мимолетом наткнулся на Марину: «Черт меня дернул пойти через ее двор». Она смотрела на него потухшим взглядом темно-карих глаз с какой-то брезгливостью и слегка ухмыляясь, в ее глазах он не увидел ни сожаления, ни

разочарования, а только пустоту. Что-то дернулось внутри, неожиданно прилетела какая-то мысль, но он ее не уловил, она упорхнула, оставив после себя смущение и... запах, нет, зловоние разлагающегося на жаре мяса. Вонь, которая, как показалось Виталию ударила ему в ноздри, заставила остановиться и посмотреть под ноги, он был уверен, что наступил на труп дохлой кошки, из которой вместе со смрадом брызнул гной и вывалился белой комок слипшихся и блестящих на солнце червей.

...Возможно так смердит разлагающаяся до бесконечности человеческая душа, изъедаемая тленом предательства...

Остальную дорогу мысли Виталия были заняты не прибылью, не шампанским, которое пьют те, кто рискует, а пугающей пустотой Марининых глаз и взявшемся неоткуда смрадом. Но ни раскаяние, ни сожаление не отразились на его лице... Глаза по-прежнему смотрят вперед... смотрят зло, кулаки сжаты, сквозь зубы раздается шипение: «Да, пошла эта шалава!...».

* * *

Однообразие бесцельной жизни все больше и больше ложилось невыносимой тяжестью на все существо Марины и ее подружек, искательниц единственного и яркого клиента из многих десятков, прошедших словно тени мимо их жизни и, наследив в ней денежными подачками, оплеухами, на-

смешками и унижениями. Эта тяжесть, как-то сама собой, вдруг становилась привычной и даже родной для всех тех, кого обрушившаяся реальность приговорила к медленному и мучительному существованию по волчьим законам, среди несправедливости, цинизма, жестокости и полной безнадёги.

Бесконечные поиски денег, дорога, машины, клиенты, обман, барыги, притоны, унижения, облавы, менты, штрафы, ночевки в камерах различных райотделов – превращали жизнь в заколдованный круг, из которого вырывались, как правило, в двух направлениях: в колонию или на кладбище.

* * *

Виталий, шныряющий по городу, на сменившей «копейку» поддержанной «Мазде», со своими компаньонами-барыжками под хиты Шафутинского, Круга и иже с ними, по делам, итогом которых был чей-то выход из «заколдованного» круга, чувствовал себя необыкновенно везучим и счастливым, он поймал-таки «птицу-счастья», жизнь сверкала, не омрачаемая ничем. Казалось, что так будет всегда, до того дня пока его компаньону, самому наглому и даже жестокому, особенно в обращении с девушками, как Марина, да ребятами, потерявшими человеческое достоинство, благодаря ему и таким же как он торгашам-«умельцам»... – не проломили монтировкой голову.

Мелкий «бизнесмен» и приятель Виталия, единственный

сын зажиточных родителей, в один из летних дней попытался остановить ограбление своей упакованной квартиры... Не вышло – это стоило ему жизни. «Заколдованный круг», как выяснилось, имел несколько больший диаметр, чем представлялось изначально. Поверхностный и беглый взгляд не мог увидеть всех, попавших за красную, несговорчивую и ими же очерченную линию окружности, выход, за которую не пестрил особым разнообразием.

* * *

Бесславный конец хамоватого дружка вдруг открыл глаза Виталию на то, как их воспринимают окружающие и особенно те, кто обеспечивает им безбедную жизнь. Его ненависть и брезгливость, усиленная появившимся животным страхом, стали расти. «Такие вот ублюдки и уработали Стаса», – глядя на них со злобой, думал Виталий.

Следующий удар по красочной картине мира Виталия нанесла милиция, которую он все это время считал продажной и беззубой. Он не понимал какой сбой произошел в системе; возможно ментам просто надоело смотреть на все больше зажиравшихся барыг, возможно конкуренты через ментов действовали, может просто нужна была статистика по раскрытию таких преступлений... как знать? но только его следующего бизнес-партнера взяли, что называется, с поличным; товара при нем было много, – и кто взял то! – самые при-

кормленные.

Отвлечься от навалившихся проблем и черных дум Виталий решил просто: зелье в достатке, есть связи, в руках он себя держать умеет, а расслабиться самое время. Укол действительно успокоил его, предал сил и оптимизма: «Да, черт побери, еще ничего не потеряно!..»

* * *

«А повешенным сам дьявол-сатана
голы пятки лижет,
Эх, Россия, мать честна,
не пожить не выжить».

В. С. Высоцкий «Разбойничья»

Из трех стоявших вдоль центральной улицы города девиц к опустившемуся пассажирскому стеклу подъехавшего автомобиля, щелчком пальцев, подозвали именно Марину. Девушка не спеша подошла. Беседа между проституткой и людьми из авто несколько затянулась для подобных переговоров. За это время обе ее подруги умудрились договориться с подъезжающими водителями, прыгнуть в их автомобили и уехать, успев, однако, заметить некоторую напряженность Марины и ее растерянный взгляд. Оставшись одна девушка с плохо скрываемым недоверием все же приняла предложе-

ние долгоуговаривающих её клиентов. Пассажирская дверь захлопнулась, машина рванула по полупустому и ярко освещенному фонарными столбами проспекту.

Через неделю на границе области в придорожной канаве был найден труп девушки со следами насильственной смерти. Пожилая женщина, специально привезенная для опознания в морг, признала в нем свою младшую доченьку, свою Мариночку. Женщина не упала, не забилась в истерику, она чувствовала, нет, она знала, что так будет, так произойдет, знала с той незабываемой ночи, когда застала свою дочь с сигаретой в руках на кухне, пришедшую со свидания со своим молодым человеком...пришедшую растоптанную, раздавленную и обреченную.

Виталий находился один в палате медицинско-санитарной части исправительной колонии. Поздняя весна, серое небо, решетчатые окна, пустота в душе и диагноз, как смертный приговор – синдром приобретенного иммунного дефицита вкупе с туберкулезом легких вот, что стало собственностью любителя рисковать и пить шампанское. На последнем краткосрочном свидании со своей быстро состарившейся и когда-то гордившейся им матерью – да, у Виталия, как и у Марины тоже была любящая мать; попросил в передаче, нет ни чаю, ни сигарет побольше, а простых сладостей: печенья, кексов, рулетов... Он часто вспоминал детство, почему-то, мечтал вернуть все назад, но ни разу не вспомнил и не пожалел о той далекой ночи, в которую начался обратный отсчет,

как минимум двух жизней... Увы, прошлого не вернуть, ни мечтами, ни слезами, ни связями, ни деньгами, что сделано, то сделано!

Выдача тела Виталия проходила с бóльшими формальностями – уверенность должна быть железная, что на свободу отправляется именно труп, просто труп, умершего в медсанчасти заключенного, который часть своей недолгой жизни положил на то, чтобы приобрести себе счастья, отобрав его у других.

Посткриптум.

Могила – это не просто холмик, скрывающий под собой человеческие останки, это знак препинания, поставленный в конце жизни, и у каждого свой: у кого знак вопроса, у кого восклицательный, а у кого и жирная, бескомпромиссная точка! Точка, к которой обесмысленная и негодная жизнь продолжает толкать орды, слегка переформатированных, но все также ненасытно продающих самих себя «виталиков» и «марин».

Время колокольчиков

*«Теперь сила – не нужна. Нужна ловкость,
хитрость... нужна змеиная гибкость».*

Максим Горький «Мещане»

Погода для базарного дня не задалась. С утра моросил мелкий, колючий дождь, кругом было слякотно и грязно, а серое тяжелое небо, казалось, лежало на крышах, окружающих рынок, серых пятиэтажек.

Рынок представлял собой два крытых ангара с полукруглыми крышами, внутри которых торговали разного рода снедью и местами аквариумными рыбками, птичками, хомячками со всеми причитающимися к живому товару аксессуарам. Небольшую, но все же приличную, рыночную площадь занимали длинные деревянные крытые прилавки для торговли товаром широкого потребления: от значков, зажигалок и брелоков до норковых шапок и шуб. Каждый метр прилавка представлял собой индивидуальное торговое место и был закреплен за постоянным продавцом, арендующим его у администрации рынка.

Альберт бережно и не спеша разложил товар на своей рабочей площади, ему принадлежало аж два торговых места. Предлагаемый ассортимент тряпья был довольно широкий: от следков, женских лифчиков и трусиков до мужских кожа-

ных курток и плащей.

Картина, представляемая взору покупателя, настолько была непривычной, что торговаться о цене некоторые начинали не сразу, а несколько выдержав паузу. За прилавком, немалую часть которого занимало женское нижнее белье, стоял взрослый, здоровый мужчина, умело и без смущения перечисляющий, очередной даме-покупательнице, достоинства лифчиков и трусиков-неделек того или иного производителя, при этом, как правило, крутя и растягивая, рекламируемый товар в руках.

Но работа есть работа, а деньги, как известно не пахнут, не пахнут ничем абсолютно, есть в них такая важная особенность. Альберт знал эту истину всегда; знал, когда, будучи старшим сержантом милиции, хладнокровно и целенаправленно подставил своего начальника, чтобы занять его маленькую должность с чуть бóльшей зарплатой, знал, когда с дальним родственником таксистом стал приторговывать водкой, знал и тогда, когда, выручая своих знакомых деньгами, брал с них проценты.

И вот настали-таки долгожданные времена, он занялся собственным делом и теперь ему не надо прикидываться, лицемерить, притворяться, скрывая свой предпринимательский талант, он может его реализовать, реализовать сполна, честно зарабатывая на достойную жизнь.

Свою предпринимательскую деятельность Альберт начал два года назад, когда понял, что купить товар подешевле в

одном месте, а продать его подороже в другом уже не есть спекуляция, а не больше не меньше – бизнес. Скрупулезно подсчитав на досуге, что на каждый, с осторожностью вложенный рубль, даже за вычетом дорожных расходов, арендной платы и добровольного пожертвования местной «крыше», можно выручить два, а то и три рубля, – засучил рукава и принялся за дело. Такая арифметика была ему по душе, ведь обогатиться без особых морально-нравственных усилий вдруг стало возможным. Однако, вливаясь в мирок частного предпринимательства, для себя раз и навсегда решил: главное, не потерять голову, не выпячиваться, не привлекать к себе внимания – накопительство вождеденных рубликов не терпит пафоса, лишних глаз и шума.

Он обоснованно считал, что когда заработную плату на заводах, да и в других местах задерживают месяцами, а кормить свою семью его прямая обязанность, то глупо и неправильно быть привязанным к своему заводу, школе, больнице, коллективу. Главное ведь не работа, ради работы, а работа ради, сытой и одетой жизни.

* * *

Промозглая октябрьская погода, то с прекращающимся, то с вновь начинающимся колючим косым дождем, не способствовала большому наплыву покупателей на рынок. Если кто и приходил отовариться, то, как правило, за продуктами,

качество и ассортимент, которых на базаре были предпочтительней, чем в продуктовых магазинах.

Альберт жевал чебурек, слегка чавкая, громко запивал его горячим чаем, купленными здесь же на базарной площади у бабы Маши. Баба Маша подрабатывала к пенсии продажей разнообразной выпечки и горячего чая из термоса, развозила эту нехитрую домашнюю снедь в сумке на колесиках меж торговых рядов уличных ангаров и крытых павильонов. Ее чебуреками и пирожками перекусывал весь рынок.

Торговка еще не успела отойти от прилавка, когда к нему подошли трое подростков в кожаных куртках и кепках – «таблетках». Двое из них грызли семечки, с негромким, но отчетливым: «тьфу», отплевывали опустошенные кожурки себе под ноги, третий был чуть повыше ростом и пальцами правой руки, согнутой в локте, виртуозно прогонял через каждый палец капроновую нитку сантиметров пятнадцать в длину с насаженными на нее эбонитовыми костяшками... «цок, цок, цок».

По внешнему виду молодых людей было понятно, что потенциальные покупатели явно не пай-мальчики; жестикуляция, сленг, дерзкие ухмылки, на гладких, еще не знающих бритья лицах, лучше всяких письменных характеристик говорили о их принципах и образе жизни.

Ребята сходу стали рассматривать разложенные в полиэтиленовых пакетах спортивные костюмы: «А почему вот этот, «ЮСА чемпион?»».

Так как, продавец не успел еще проглотить разжеванный базарный чебурек, ответ несколько затянулся: «Пять... пять-десять...», тут он решил выдержать паузу, чтобы протолкнуть содержимое ротовой полости в пищевод и потянулся за чаем в картонном стакане. Ребята почему-то обрадовались такой цене и, не скрывая угрюмого удовлетворения, переглянувшись почти в один голос чуть слышно проговорили: «Недорого».

Альберт по привычке внимательно следил за реакцией покупателей, его, и без того, узкие глазки еще более сузились и забегали, веснушки, обильно покрывающие лицо, стали менее заметны из-за того, что в голову ударила кровь и они слились с цветом кожи. Он догадался, что ребята при деньгах, а значит торговаться вряд ли будут и, глотнув чая, сделал заметное усилие над глоткой, чем вогнал комок мясомучной каши в себя, – от напряжения глаза покраснели, проступили слезы, Альберт откашлянул и продолжил: «Пятьдесят восемь тысяч».

Таким принципом зарабатывания Альберт руководствовался давно, если появлялась возможность, не нарушая закона, увеличить выгоду от сделки, то он не находил причин отказываться от этого. Если покупатель-клиент готов платить: будь то пенсионер, рабочий, с постоянно задерживаемой зарплатой, мать-одиночка или вот такие вот маргинальные, сами того не понимающие, но неудержимо жаждущие проверить на прочность границы человеческой вседозволенности

подростки, по взгляду которых уже сейчас можно догадаться, что деньги на костюмы, кепки, сигареты они добывают у... пенсионеров, рабочих, с постоянно задерживаемой зарплатой, матерей-одиночек, учителей, врачей и не способных постоять за себя сверстников, – то пусть платит! Никто никого не неволит.

* * *

«Жизнь ломает людей без шума, без криков... без слез... незаметно».

Максим Горький «Мещане»

Неумолимо и безжалостно время. Но еще неумолимее и безжалостнее жизнь, до краев наполненная человеческим равнодушием, эгоизмом, ложью и лицемерием. Она превращается в поработителя, хладнокровно захватывающего умы и сердца, привнося в них, как ни странно, энергию антижизни, могучую и грозную силу распада, неотвратимость внутреннего разложения и гниения.

Такая жизнь словно колоссальный асфальтоукладывающий каток цинично и без капли сомнения проходит по судьбам людей, не оставляя и малейшего следа от многих и многих, кроме заросших, заброшенных холмиков с выцветшими черно-белыми фотографиями прикрученных к ржавым памятникам на окраинах городов и весей.

Бесследно растворялись в безысходности, тоске и отчаянии целые семьи, целые фамилии. Кого пожирала тюрьма, наркотики и алкоголь, кого нищета и унижение. Кто-то находил в себе силы и принимал условия, продиктованные жизнью, вдруг превратившейся из любящей мамы в злобную мачеху, и, перешагивая через призвание учителя или врача, шел продавать свои руки и время целеустремленным и предприимчивым «альбертам».

* * *

Дело Альберт росло, развивалось и крепло. Подкопленный за последние годы капитал он решил вложить в другое, более выгодное дело – работу с недвижимостью. Его опыт, его амбиции говорили о том, что торговля уже пройденный этап. Именно риэлторство отвечало внутренним и внешним, чисто материальным, запросам уже сформировавшегося дельца.

Спрос на ловких и грамотных, в сфере купли-продажи и обмена недвижимости, специалистов резко возрос. Кто-то старался улучшить свой квартирный вопрос, кто-то на разницу от проданного жилища еще какое-то время сводил концы с концами, кто-то просто бездумно распоряжался своими метрами.

И вот, бывший милиционер, мелкий ростовщик, водочный спекулянт и частный предприниматель Альберт, уже не

просто Альберт, а Альберт Ринатович! Новая деятельность повысила его статус, у него появились новые знакомства и связи, большее число людей при встрече с ним с радостью тянут руку и улыбаются, но еще большее число обреченных, растоптанных жизнью и потерявших людей ищут в его всегда улыбающихся глазках надежду на перемены. Надежду на то, что благодаря некоторой сумме, так необходимых для этого рублей, они смогут начать уже иную и правильную жизнь. И даже не важно, что это случится где-нибудь в другом, чужом и пусть неуютном, на первых порах, месте, главное, что это произойдет. Ищут эту надежду, пристально и преданно всматриваясь в его глаза, и... им кажется, что они видят её светлый лик!

Узкие с лукавым отблеском глазки, тихий, как бы убаюкивающий голосок Альберта Ринатовича, стелющимся и всепроникающим туманом вкрадывается в сердце слушающего, слегка, как бы щекоча и сладостно раздражая прелестные воображения истосковавшейся по человеческим отношениям и пониманию души, вселяют уверенность каждому клиенту в предстоящее прекрасное будущее. Каждый из них восторженно удивляется тому, как Альберт Ринатович, безошибочно отгадывает их самые заветные и смелые мечты, о которых они даже себе боялись признаваться.

«У моего друга, – говорит Альберт Ринатович, отвозя очередного продавца квартиры в регистрационную палату, – была похожая ситуация, он продал трешку в городе, купил

двушку в районе, деньги вложил в дело...ну самому пришлось на первых порах потрудиться, а сейчас он владеет несколькими...», и тут предметы владения меняются в зависимости от внутренних потребностей клиента: хлебопечкарнями, шиномонтажками, киосками, торговыми точками и т. д. Ошеломленный двухнедельной «заботой», в которую входили: мелкие авансы, доставка продуктов и алкоголя на дом, покупка недорогих, но необходимых вещей – клиент с необузданной жадностью буквально проглатывает такие истории Альберта Ринатовича и с необычайной, почти осязаемой реалистичностью представляет, что после переезда на новое место, он начинает маленькое, но свое, только ему принадлежащее доходное дело. И вот, у него уже свои подчиненные, он уже грамотно управляет, занимается какими-то бумагами, решает организационными вопросы, подписывает договора, ставит печати и подписи, получает честно заработанную прибыль, выдает зарплату, наказывает нерадивых.

Вся сморщенная за годы блуждания впотьмах одичалая и в изорванных лохмотьях одинокая душа, как бы говорит, нет, требует: продолжай, продолжай, Альберт Ринатович, продли этот сладостный миг, когда я вновь во всей полноте осознаю себя полноценным, состоявшимся и нужным для других человеком, когда «розовая» мечта, представляется уже свершившимся фактом.

Откуда-то появляется торопливость и непреодолимое желание поскорее уже закончить эту волокиту с бумагами, под-

писями, куплями-продажами, после чего, по-человечески, с благородными напитками и закусками отметить удачную сделку, порадоваться за себя, с высока посмотреть на тех, кто не решился на такие необходимые для счастья риски, выпить за новый и светлый этап своей жизни и, наконец-то, уехать отсюда из этого места, которое не давало тебе развиваться, тормозило тебя, душило тебя.

Уехать и на новом месте, что называется, с «чистого листа» начать достойную жизнь полную новых свершений и материального достатка. А еще в такие сладостные моменты, раздирающего душу счастья, представляется, как спустя год кропотливой, но плодотворной работы, новоиспеченный владелец: хлебопекарен, шиномонтажек, киосков, торговых точек и т. д. въезжает на собственном автомобиле на малую родину, из которой он вырвался, в достойную жизнь, рискуя и напрягая волю, и все, кто его знает и помнит, удивляются, ахают и, конечно, завидуют.

* * *

Умел Альберт Ринатович находить подход к людям, особенно таким, которым так и не удалось по разным причинам, что-либо приобрести в своей жизни; людям, которые, оставленное им наследство безумно растранижирили, не понимая одного, что вернуть уже ничего не получится – не те времена на дворе.

«Есть в этом высшая справедливость», – утвердительно и периодически повторял себе бывший торговец нижним бельем и куртками Альберт Ринатович, входя в очередную опустошенную квартиру, насквозь пропахшую дешевым табаком и пропитанную духом нереализованных, пущенных под откос и скорченных человеческих судеб. «У таких людей нет будущего, но они могут помочь устроить настоящее другим», – глядя участливым взглядом на очередного клиента и, произнося своим тихим елейным голоском, совсем другие фразы, хладнокровно и рационально констатировал Альберт Ринатович.

* * *

Скарб нестарого неудачника, бывшего заключенного и почти спившегося Саши, поместился в одном небольшом грузовичке. В новую жизнь он взял самое необходимое на первое время: телевизор, музыкальный центр, несколько табуретов, стул, три мешка с вещами, посуду, оставшийся от родителей кухонный гарнитур и письменный стол, за которым в далеком и счастливом детстве он решал задачки, писал домашку по русскому, рисовал, а его окружали любящие и любимые мама и папа.

Все остальное он решил приобрести на новом месте, зачем перевозить старье...

Сам Саша ехал на новое место в автомобиле Венера стар-

шего сына Альберта Ринатовича. Альберт Ринатович в этот раз не стал помогать в переезде и попросил об этом сына. Он сполна выплатил обещанные Саше деньги, Саше, который стал уже отработанным клиентом и пройденным этапом. Сам же помчался рассматривать новый вариант, новую квартиру, нового «сашу», снова воплощать в жизнь приговор «высшей справедливости».

Венер был внешне похож на своего отца. Он был чуть выше среднего роста, поджарый с постоянно улыбающимися глазами, как у Альберта. Его круглое, но не толстое лицо так же, как и руки покрывали веснушки, зубы были ровные, но мелкие, голос тихий. Всю свою жизнь он, как и отец никогда не лез «на рожон». Будучи подростком, когда мальчишеская кровь бурлит, а подростковый максимализм и тщеславие толкают на безрассудные поступки и разного рода геройства и драки, Венер, как правило, оставался в стороне, его это не цепляло, казалось, что он ждет лишь определенного момента, когда можно будет начать реализовывать то, что он уже давно для себя решил.

Он был молчалив, но в его молчании слышалось стремление и уверенность, что он любой ценой дойдет до, только ему ведомой, цели. Он не планировал разбазаривать свои внутренние силы на подростковые глупости, он их оберегал.

Венер не был ни трусом, ни слабаком, при необходимости мог подраться, а порою, подавшись-таки давлению компании был способен совершить поступок, явно не вписывающийся

в его программу жизнеустройства, и имеющий в потенциале самые нежелательные последствия. Поэтому он старался держаться особняком и со временем, постепенно, незаметно для компании, совсем удалился от своих дворовых и школьных друзей.

Венер четко понимал, что все его забавы, все эти компании, дружбы, симпатии всего лишь промежуточная станция, которая, пока мы на ней ждем отправки своего поезда, вроде и интересна и есть на ней, что-то любопытное и особенное, можно с кем-то даже познакомиться, тепло и задушевно поговорить. Однако, трогается твой поезд, ты запрыгиваешь в свой вагон и из тамбура, пока проводник не закрыл дверь, машешь собеседнику рукой, как самому закадычному другу, а расставание с ним кажется несколько болезненным, но стоит тебе направиться в свое купе, как, еще не дойдя до него, уже забыл и лицо станционного собеседника, и тему задушевной беседы, да и сама станция растворилась в твоей памяти, в твоих многочисленных мимолетных впечатлениях. Ты вновь занят только конечной целью твоего путешествия...

Такова участь всех промежуточных станций, полустанков, людей!

Вот и сейчас по правую руку от него сидел «промежуточный», нет, не полустанок и, тем более, не станция, а так ничего не значащий персонаж, на котором, почему-то пришлось приостановится, потратить свое личное время, чуть-

чуть притормозить и...не больше!

В грузовичке ехали два Сашиных приятеля, помочь выгрузить вещи и занести их в новую квартиру. Венер не посадил их к себе в машину.

* * *

Саша молча смотрел в сторону, на мелькающие придорожные деревья, был слегка напряжен и о чем-то думал. Непростые и смешанные размышления о будущем вдруг приутихли, сами собой отошли на задний план. Он почему-то вспомнил, как давным-давно, в один из поздних летних вечеров отец Саши пришел домой сильно избитый: у него была разбита голова, сломан нос, на руке не было часов «Луч», с него сняли дешевую мастерку китайского спортивного костюма, футболка была в крови.

Саша плакал, рвался на улицу, с диким желанием найти и покарать тех подонков, кто обидел и унизил его отца, но куда бежать и где их искать он не знал, таких не то волчьих, не то обезумевших человеческих стай тогда появилось слишком много. Мальчик страдал не от того, что у его отца сотрясение мозга и сломан нос, нет, он страдал от того, что его отца, добрейшей души человека, унизили и, скорее всего, такие же, как и он сопляки и, что он-сын не может ничего сделать. С тех пор к чувству какого – то необоснованного внутреннего одиночества прибавилось чувство беспомощности и неза-

щищенности.

Отца этот случай здорово подкосил, он все больше молчал, был печален и даже когда смеялся, что стало редкостью, глаза оставались грустными и потускневшими, не было в них жизни, в них читался немой и мучительный вопрос: «А зачем нужна такая жизнь?..»

Через год отец Саши умер от инфаркта. Он лежал в гробу в своем старом выходном костюме, выражение лица было спокойное, но сквозь закрытые и холодные веки прорывался, так и не озвученный за последний год жизни вопрос, прорывался и продолжал жить, жить в воздухе, жить в уме и сердце Саши: «А, действительно, зачем все это?».

Зачем-то пригласили священника, настояла на этом какая-то подруга мамы, тогда это стало модным. Не важно верил в Бога – не верил, ходил в церковь – не ходил, главное, чтобы был крещенным. Отец Саши был крещен еще ребенком, в деревне.

Нестарый и нетолстый поп лет сорока – сорока пяти, в черном подряснике поверх, которого висел большой четырехконечный крест, уверенным шагом зашел в комнату, где стоял гроб, без лишней суеты, испросив на ходу разрешение и получив ожидаемый ответ: «да, конечно», разложил на стоявшем в углу оставшимся от бабушки комодe необходимые для предстоящего действия предметы: кадило, уголь, книжку-требник, ладан, горсть земли в полиэтиленовом мешочке. Его помощник молодой парнишка с абсолютно рав-

нодушным выражением лица, резко контрастирующем с лицами всех присутствующих в комнате, со знанием дела воткнул четыре свечи в гроб: у изголовья, по обе руки и со стороны ног, тут же их зажег, разжег кадило, которое передал священнику, облаченному по верх подрясника в епитрахиль и поручи.

Отпевание началось, священник, что-то басил, размахивая дымящимся кадилом, в определенные моменты в его басистое пение вливался более тонкий голос парнишки – помощника. Несколько женщин, которые присутствовали на отпевании, держали в руках горящие свечи и с грустными лицами смотрели на усопшего. Со стороны казалось, что смысл молитвословий, изливаемые попом и его помощником, не проникали в их умы и сердца, они думали о чем-то своем, но, как-то связанным с отцом Саши.

Отпевание закончилось. Саша, сам не зная почему, внимательно наблюдал за священником, который торопливо снимал богослужебные одежды, скручивал кадило и одновременно осматривал комнату сашиной двухкомнатной квартиры. Саша заметил, что взгляд священника был беглый, но цепкий и внимательный.

Было не понятно, что пришло на ум батюшке после осмотра, но только перед тем, как уйти, держа в левой руке свой чемоданчик, он подошел к маме Саши и, что-то тихонечко ей сказал. Саша видел, как мама, словно проснувшись широко открыла глаза, замотала головой со словами: «нет, нет,

да вы что?». Но батюшка, стоявший спиной к Саше, по-видимому, был убедителен, мама скоро успокоилась и проследовала. Священник своей правой рукой пожал руку вдовы, а потом перекрестив её, быстро зашагал к выходной двери. Мама проводила его полными слез глазами, её руки были согнуты и что-то сжимали в зажатых кулачках. Чуть позже Саша узнал, что батюшка вернул маме деньги за отпевание отца, а на ее категорический отказ строго сказал: «Купите сыну, что-нибудь, он отца потерял, ему и вам сейчас очень непросто... я знаю». «Странно, – подумал Саша, говорят, что попы жадные».

Мужики, друзья отца курили в подъезде, пока их умерший товарищ, поддерживаемый молитвами священника, настаивался на вечность. Ну, не мужское это дело Богу молиться, подпевать попу – это для женщин, они слабые, им Бог нужнее.

* * *

ПТУ Саша так и не окончил, потому что на втором курсе сорвал зимой шапку у женщины, получил за это срок и отправился в колонию для несовершеннолетних.

Профессиональные училища к тому времени представляли собою сборище подростков большинство, из которых абсолютно не думали о получении профессии, а остервенело жаждали самоутвердиться в этом неуклонно дичающем ми-

ре. Их умы, сердца и воля были подчинены одной цели – доказать себе и всему миру: «Я смел, дерзок, силен, нагл, никого и ничего не боюсь»! А для этого не нужно образования, не нужно специальности, необходим лишь небольшой набор сомнительных качеств, благодаря которым и получится выжить в городских джунглях.

«Детям подземелья» девяностых казалось, что «джунгли» заселены только матерыми хищниками, которые явно, так сказать, с открытым забралом, разрывают свою добычу на куски, забрызгивая кровью все что рядом. Вот и старались они взрастить в себе таких хищников: зубастых и безжалостных. В конце концов: «Кто сильнее, тот и прав»!

Не замечали они, что шаг за шагом в своем безумном стремлении быть сильнее, они превращались в беспощадных особей нечеловеческого, а звериного мира. Слепленные самолюбованием они не замечали очевидного, – «джунгли» населены не только плотоядными монстрами, но и скользкими незаметными пресмыкающимися, которые терпеливо ждут своего часа и живут лишь тем, что, незаметно подкрадываются к намеченной жертве, хладнокровно её душат, сладострастно наслаждаясь агонией умирающего.

Мама Саши осталась вдовой навсегда. Она честно, но по-матерински однобоко, любила своего сына, поддерживала его всю свою жизнь.

Саша же со всей юношеской искренностью рванул по пути ведущему в никуда. Мать не оправдала этого выбора, но не

остановила сына – не смогла, лишь тихо страдала от ясного понимания того, к чему приведет выбранный путь... и всегда, всегда была рядом.

Её не стало несколько лет назад.

* * *

Диалог между Венером и Сашей не удался, да к нему никто из них и не стремился. Венер торопился скорее закончить дело, ведь бóльшую часть вырученных от этой сделки денег, отец обещал дать ему на развитие бизнеса.

Венер рос как предприниматель, расширял свою деятельность, увеличивал свой оборот. Саше же спешить было некуда, он знал, что неотвратимое будущее его обязательно настигнет.

По пути Венер ни разу не остановился, и через полтора часа они были на месте. Саша въехал в свою «новую жизнь» в небольшой городок соседней области, с банкой пива в руке, которую купил еще на малой родине, но так и не выпил по дороге.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Альберт Ринатович, как и обещал, помог сыну с деньгами. Венер выкупил расположенный рядом к его автомастерской

ангар, оборудовал его под автомойку. В городе появилось еще четыре рабочих места – четыре семьи получили стабильный доход, несколько комфортней стало клиентам автомастерской Венера Альбертовича, налоговая служба приобрела платежеспособную единицу, у детей собственника подросли и, без того не маленькие шансы, вырасти образованными, достойными людьми, стать полезными и нужными членами общества, как их отец и дед.

Альберт Ринатович был доволен собой, его сердце распирало удовлетворение: он, а никто иной, творец счастья своих детей и внуков.

* * *

В пустой, со сломанными замками на входной двери, однокомнатной квартире, небольшого депрессивного городка, на полу, которой валялись пустые бутылки из-под самогона и окурки, – в промозглый, хмурый, октябрьский день, на продавленном диване лежал Саша. Его желтый цвет кожи, вспухший справа живот, взгляд полный тоски, страдания и мучительного одиночества, обращенный в пожелтевший, прокуренный потолок, сухо и обреченно говорили: «не вышло, не получилось узнать, что такое счастье!»... Жить Саше оставалось несколько дней.

ЭПИЛОГ

«И так же вот несчастного сына твоего не пощадят, скажут ему правду в лицо, как я тебе говорю. Чего ради жил? Что сделал доброго? И сын твой, как и ты теперь, не ответит...»

Максим Горький «Мещане».

Простая история

*«Мир пробудился от тяжелого сна,
и вот, наступила еще большая весна».*

Егор Летов

Женю не то, что бы избивали, над ним издевались; оскорбляли, унижали в сочетании с ударами кулаками, пощечинами и пинками то в голову, то в туловище, то по ногам, – то сильно, так что у парня плыло в глазах, то не очень, отмечался каждый из пяти участников расправы. Это больше напоминало желание выплеснуть из себя накопившуюся злобу, подогреваемую друг другом и не понятно откуда взявшемся садистским азартом.

Поводом для этого безумия стал пионерским галстук, который Женя не стал снимать и выходить из пионерской организации школы, как это сделали большинство ребят и девочек из его класса и параллели. Его поступок был несколько странным, Женя не был ни активистом, ни общественником, ни безгрешным пионером. Он просто для себя решил: «Я носил его пять лет, я в комсомол не собираюсь, а за два месяца до окончания школы снимать его, только лишь потому что, вдруг это стало, чуть ли не обязательным, нет смысла, не хочу». Женя никогда не был тихоней, но внезапно околдовавшая всех мода на развязанность, хамство, уголовный

сленг и принципы, как среди ребят, так и девчонок, его не впечатляла и не завораживала.

Деградация, въедавшаяся словно ржавчина, в фундамент человеческих и товарищеских отношений своей соблазнительностью внутренней расслабленности и раскрепощенности, не щадила никого: сигареты, мат, интересы на уровне инстинктов, возведенные на пьедестал для поклонения, и песни про Олю, которая не слышала про СПИД под идиотский смех слушающих, – была ему страшна и противна.

Он не совсем понимал с чего ради, вдруг, в одночасье стал нормой запах табака в классных кабинетах после перемен. Учителя, первое время справедливо протестующие, в итоге вынуждены были смириться с этим. Растерянные преподаватели молчали уже даже тогда, когда опаздывающие на урок ребята тянули за собой шлейф табачного запаха по всему классу, пробираясь к последним партам. У Жени не укладывалось в голове почему о идеалах мужской твердости и порядочности стали поучать фиксатые с изрисованными телами дяди, а их мнение за последние несколько лет стало считаться истинным, – не мнение деда ветерана, не мнение отца семейства, мастеращего по весне скворечники, а именно их мнение. Он не понимал почему он трусил и молчал, когда под радостный хохот всего класса, на растерянную пожилую учительницу среди урока напирал со зверским лицом и огнетушителем в руках ворвавшийся в класс их одноклассник? Ему было противно слышать истории, как старшие дворо-

вые хулиганы подстерегали интеллигентных мужчин учителей, так и не научившихся драться, и унижали их все под тот же мерзкий хохот окружающей шпаны, среди которой были и ученики этого самого учителя.

* * *

«Ты чё, Женек, чертом стал? Сними эту тряпку», – дыша в лицо перегаром, смешанным с запахом табака, сквозь желтые щербатые зубы, прошипел парень, учившийся на год младше, брезгливо держась двумя пальцами, за один из свисавших кончиков красного галстука. Тот парень, который всего два года назад в своем классе был избран председателем Совета отряда, тот, кто, в числе других активистов школьной дружины, организовывал пионеров всей параллели для почетного караула у Вечного Огня самой главной площади города в День Победы, тот, кто в День Пионерии, когда-то гордо гулял по улицам в красном галстуке, в пилотке и пионерской белой рубашке с короткими рукавами.

Женя смотрел в его затуманенные глаза и ему становилось все страшнее и страшнее, от той мрачной внутренней перемены, которую он вдруг разглядел.

Такие ребята, как Игорь, не открывшие или просто до времени не догадавшиеся о темных, прожорливых потребностях своей сущности, заставляли считаться с собою не благодаря своей харизме, смелости, силе, преданности, способно-

стью на благородный, пусть даже с их понимания благородности и чести, поступок; они были заметны и востребованы в подобных компаниях, благодаря еще не реализованной, не выплеснутой, но дико рвущейся наружу готовностью на подлость, коварство, предательство, умело замаскированной под их же понятие порядочности. Она рвалась из них, хладнокровно выплевывая излишки в окружающий мир, отравляя своей вонью все, во что впитывалась. Таких интуитивно боялись, даже заматеревшие хулиганы-заводиловы, звериным нутром чувствуя, исходящую от них опасность, боялись и одновременно приближали к себе.

«Да, чё ты с ним базаришь, братан? – и Женя получал удар в скулу от стоящего в шаге от него приятеля Игоря. Удар был нанесен так, что, Женя, зажатый в углу подъезда девятиэтажного дома, ударился противоположным виском о стену, его повело, но он не упал. «Сними свой вонючий ошейник, Кибальчиш! – и, зажав галстук в кулак, ударивший парень сильно потряхнул и без того потерявшегося от удара Женю. Женя сделал попытку сорвать его руку с галстука и тут же получил удар от Игоря с другой стороны: «Куда ласты тянешь?». Женя от неожиданности и боли вскрикнул: «Ай, блин», и стал съезжать по стене на пол, хватаясь за голову. Раздался хохот. Задорно засмеялись не только избивающие, но и трое их дружков, которые сидели на ступеньках, поигрывали на гитаре какие-то дворовые песенки и равнодушно наблюдали за расправой над несговорчивым пионером со стороны.

Женя знал приятеля Игоря, он был на несколько лет постарше и проживал в соседнем дворе. «Я из-за таких, как ты краснопузых натерпелся на малолетке», – прохихотавшись и, закурив, выдал из себя игоревский дружок.

* * *

Странное и парадоксальное существо – человек, всю свою жизнь с детства и до гробовой доски он стремиться к удовольствию, комфорту, сытости и спокойствию, какой бы образ бытия не выбрал, при этом прилагая максимально усилий, чтобы исключить из своей жизни все этому мешающее. Но, несмотря на это, тоскует он в душе по лишениям, трудностям, страданиям, борьбе, наверное, потому что, в каждом человеке на генном уровне заложена потребность в некоей жертве ради кого-то или чего-то, ради идеи, ради мечты, а жертва всегда сопряжена с неудобством, со страданием бóльшим или мёньшим, иногда с болью, а порою и со смертью. Но, проживая жизнь пустую, сытую или бестолковую, в которой жертвенная потребность не может быть реализована в принципе, человек начинает ощущать некоторую опустошенность, бесцельность и бессмысленность своей жизни, отчего ему вдруг становится мрачно и тошно, но признаться самому себе в бессмысленности своего времяпровождения, которое он гордо называет «мой жизненный путь», ему очень страшно, ведь за этим признанием – пропасть, от ко-

торой надо либо отгребаться изо всех сил обратно, тем самым признавая ошибочность прожитых лет, либо прыгать в черную бездну. И вот, не решаясь ни на первое ни на второе, человек лихорадочно бросается искать в своей пустой жизни хоть, что-то похожее на лишение и благородное страдание из-за людской несправедливости, к примеру, где он выступает незащищенным от злобы агрессивного мира, либо его страдание и жертвенность сопряжена с какой-то высокой, как он считает, идеей... да, да идеей, мечтой с тем, что не по-трогаешь и не съешь, – а такая степень жертвенности дорого стоит. Но, что самое отвратительное во всем этом, так это то, что, чем тотальнее человек не способен на мало-мальски благородную жертву, тем он сильнее и фанатичнее, начинает верить в ту картинку о себе, которую он сам нарисовал в своем воображении, верить беззаветно, верить с сжатыми до онемения кулаками, верить до боли в скулах, верить до ненависти ко всем, кто хоть на грамм сомневается в правдивости такого рисунка. Ему становится жизненно важным, что бы все, кто его окружают знали, даже если этого не было в реальности, как он страдал, был в лишениях, под прессом людей и обстоятельств, как он умирал от голода, был убиваем, но, скрипя зубами, вопреки всему выстоял, не сломался, не заплакал, не предал и... остался человеком. Его личность растворяется в этом мираже о себе, и он, опиревшись на иллюзию о своей жертвенности, с высоты созданного им же фантома, вдруг обнаруживает в себе право судить окру-

жающих, вешать ярлыки умершим и даже вершить судьбы тех, кто не дорос до его представления о порядочности.

Коварна и опасна эта лукавая, лживая способность человека – она подстерегает и ставит силки, с той или иной степенью изошренности, каждому; опираясь в своем коварстве на глубину внутренней опустошенности, при этом, не обращая внимание ни на воспитание, ни на образование, ни на возраст, ни на пол или социальный статус – под ее прицелом все: от беспринципного хулигана, вышибающего зубы более слабому, до миловидной, благочестивой и пожилой церковной прихожанки, со снисходительной улыбкой учащую своих внучат затепливать лампадку перед вечерней молитвой.

Приятель Игоря, не сломавшийся под гнетом «краснопузых» в колонии для несовершеннолетних, еще несколько раз ударил Женю.

* * *

Женя кое-как снял и отдал галстук Игорю, который тут же его, с остервенением скомкав, бросил на грязный подъездный пол. Все пятеро присутствующих принялись смачно харкаться на него, напрягая свою носоглотку и, выдавливая из последних сил, провонявшие куревом сопли и слюни. Исплевавшись до восторга, обтерев о потрепанный галстук ноги, кто-то предложил нацепить его вновь на шею Женю. . . идея понравилась. Женя отказался, тогда четверо из пя-

терых стали его избивать, он зажался в угол, присел на корточки, поджал ноги к груди и закрыл голову руками...

Женя сам повязал себе на шею оплеванный и грязный от ботинок галстук. Игорь, бывший председатель Совета отряда, затянул узел лично под мерзкий хохот, затянул так, что его пришлось срезать... уже дома.

На следующий день Женя в школу не пришел, после этого случая, он появился в школе несколько раз, на итоговых контрольных, появился в галстуке. На каникулах его родители поменяли квартиру. До милиции дело не дошло.

* * *

«Четверо из той компании негодяев растворились в своей мрачной жизни, так и не оставив после себя ни доброй памяти, ни следа. Пятый из них, я уважаемая, Валентина Павловна», – рассказчик, мужчина за сорок в свитере и джинсах, вдруг обратился к сидящей у окна купе и морщившейся от услышанного пожилой женщине. «Поэтому, уважаемые соседи, – и тут мужчина окинул других ехавших в купе пассажиров – пару молодоженов, – когда вам говорят, даже такие убеленные сединами люди, как Валентина Павловна о ужасах той страны, в которой она родилась и жила и, в которой вам посчастливилось не пожить, не верьте... ужас создали мы сами и такие, как Валентина Павловна. Я сутки слушал, как вы выживали под гнетом бездарного начальства, страдали

зимой из-за очередей за молоком, когда и детей кормить надо и на работу бежать, когда вы на талоны покупали носки и мыло по два куска на месяц, слушал и молчал. А мы ведь с вами не только с одного города, мы с одного района, вы и мой отец работали на одном заводе. На том самом заводе, где вы, будучи заведующей складом продавали предназначенный для рабочих товар: холодильники, телевизоры, магнитофоны и многое другое через оборзевшие кооперативы в три-четыре раза дороже. Вы же наглый спекулянт, Валентина Павловна, вам ли плакать и клянуть ту страну, которая дала вам все, что вы имеете и на агонии, которой вы неплохо подзаработали? Вам ли снисходительно и ласково бросать в мой адрес, что я тоже, слава Богу, не застал всего дурдома, потому что родился на закате страны, так сказать?».

Валентина Павловна покраснела, глаза зло сверкнули: «Не тебе, бандит, меня учить, понял?!»

«Да какой я бандит, Валентина Павловна? Пока вы мощну набивали, спекулируя... чем? Правильно! Тем, что принадлежало не вам, но при этом, страдая от ...цензуры, чего там еще?.. ненужных партсобраний? нехватки свободы? Я, вот, пионеров бил, боролся с цензурой, ненужными партсобраниями, нехваткой свободы, так сказать, как мог... Так что, неуважаемая Валентина Павловна, мы с вами по одну сторону, а Женя в оплеванном пионерском галстуке по другую», – глаза мужчины источали грусть, тоску вперемешку со злостью и желанием сделать больнее более себе, чем своей

пожилой попутчице; он пристально взглянул на своих молодых попутчиков, – и мне бы не хотелось, чтобы вы и ваши дети были с нами... на нашей стороне».

Валентина Павловна, несмотря на свой преклонный возраст, довольно резво вырвалась из купе, ей вдруг, в одно мгновение стало невыносимо душно.

Поезд подъезжал к пирону, мужчина достал свой нехитрый багаж и не прощаясь, вышел... Молодые молча проводили его глазами.

Володя

*«Мешок на буйную голову и амулетом
повязанный камень,
так вольные капитаны уходят в одиночное
плаванье.*

*В последней гавани – нет маяка, да и надежда
уже не маячит,*

лишь океан из неудачников, сделает

«джентельменов удачи».

«Дядя Женя» «16 человек на сундук мертвеца»

Володя умирал тяжело. Силы покидали его месяца три. Слабел он быстро, к концу третьего месяца уже не мог разговаривать; кое-как шевелил языком, издавая мычащие звуки, в которых можно было, при некотором усилии, уловить элементарные просьбы: «пить», «йогурт», «свет», «телевизор» и т. п. Все эти тяжелые дни с ним всегда находилась его мать и болеющий младший брат.

То состояние, в котором находился Володя сейчас было результатом его бурной и недолгой жизни. Это был его выбор, его свободный выбор. «Боже мой, свободный выбор! Свобода! Свобода воли!» Какие вожденные стремления человеческой личности, и какое страшное, почти непреодолимое для каждого испытание, которое проходит достойно очень немногие, часть отделяется «малой кровью»: распа-

дом семьи, болезнями, тюремными сроками и тому подобными результатами неверного выбора; часть же безвозвратно гибнет, при этом, как правило, пройдя путь потери: семьи, здоровья, свободы.

Володя с детства был мальчишкой с характером и потенциалом, не глуп, смышлен, хитер и необычайно своеволен. Родители, как-то не особо, можно сказать, никак не боролись с этим страшным врагом человеческого счастья – своеволием.

Подростковый возраст Володи прошел, как и многих ребят из рабочих кварталов в конце 80-х начале 90-х: похабщина, разливное пиво, сигареты, доступные и такие же потерянные девицы, драки, вышибание копеек у сверстников послабее и попроще, одним словом, полный набор для старта в некуда, для прыжка в бездну.

К двадцати годам Володя без особых усилий имел жесткую наркотическую зависимость и три судимости в общей сложности, последняя, из которых предполагала его нахождение в местах лишения свободы аж на девять лет – разбойное нападение на зажиточную квартиру. Колония со всеми «прелестями»: штрафные изоляторы, уголовные правила арестантской жизни, гнет администрации, самодельные штанги, отжимания от нар, азартные игры, сходки, воровские прогоны и многие другие аксессуары в итоге зацементировали в Володиной душе начавшуюся в подростковом возрасте криминализацию мироощущения.

Через некоторое время после столь продолжительного срока новый срок за наркотики: не то хранение, не то сбыт, жизнь со знаком «минус» продолжилась. После очередного освобождения у Володи, как и большинства заключенных, вышедших на свободу, рано или поздно все возвращалось на «круги своя». Конечно, было желание пожить спокойно, создать семью с порядочной женщиной из другой жизни, но та роль, та ипостась, что ли, которая была зачата с первой затяжкой дешевой сигареты в далеком детстве среди таких же хулиганистых пацанов, как он сам; с каждой последующей затяжкой, каждым глотком алкоголя, каждой дракой эта ипостась, словно эмбрион развивался и принимал конкретные очертания, конкретные формы, пока не родился идейный преступник, но преступник с загубленным потенциалом порядочного и жертвенного человека.

Результатом такого образа жизни закономерно стало отрицание общества простых «смертных» работяг, воспитывающих своих детей, встающих с утра на работу, смиряющихся перед недалеким начальником, устраивающих пикники по выходным. Да, именно эта выращенная ипостась человека вне правил, опирающаяся на гордость и самодовольство, не позволила Володе начать-таки новую жизнь. Друзья, выпивка, наркотики, гопотные подружки, разговоры о мужском и brutальном, которое, ясное дело, возможно только среди упертых арестантов, познавших лишения, камеры, этапы, дубинки охраны – все это снова и снова становилось

содержанием его жизни.

В определенные моменты, дерзость и уверенность в правоте своего выбора у Володи просто зашкаливали. «Чё ты меня лечишь, брат?», – как-то на пикнике, устроенном в прекрасный майский день, его матерью и младшим братом, – выпалил он, будучи разгоряченным водкой, своему другу детства, – «читал я Библию и Коран...» Дальнейшее его рассуждение более походило на демонстрацию своей начитанности.

Картина происходящего в тот момент была несколько необычная. Стоящий высокий мужчина в темной майке с какой-то надписью латинскими буквами, с рюмкой водки в левой руке, изрисованной тюремными, но красивыми татуировками, и несколько эмоционально рассуждающий, местами переходя на крик, об истинности Библии и Корана, о Боге, о человечестве, об обмане со стороны служителей того или иного культа, время от времени жестикулируя правой рукой с зажатой между пальцами тлеющей сигаретой. Его монолог направлен на одного человека. Между Володей и его собеседником горит небольшой костерок, угли от которого идут в мангал для готовящегося шашлыка, мангал стоит тут же рядом с костерком. Собеседник, одетый в синий спортивный костюм, сидит напротив на бревне, внимательно слушает, но почему-то смотрит не на оратора, а на костер, при этом копошась палкой в раскаленных углях.

Судя по лицу, собеседник расстроен разговором, надеж-

ды не оправдались, его друг, можно сказать, брат так ничего и не понял. Самодовольство Владимира, подогреваемое восхищенными взглядами младшего брата, снохи, подружки и уставшей от постоянного ожидания матери, не позволяют ему услышать практически мольбу своего друга, пересмотреть свое отношение к жизни, а значит не позволят эту одну-единственную, быстролетящую жизнь переменить.

Глаза Владимира блестят, взгляд искрится каким-то диким пугающим огоньком. Но это блестит не водка! С каждым заумным словом, касающегося отношений человека и Бога, тон его повышается, искрометность глаз усиливается. Его буквально распирает от рассуждения на темы, о которых говорить стоило бы в полголоса, шепотом и с некоторым внутренним содроганием, ведь ты, человек, прикасаешься своим одурманенным и извращенным умом, оскверненным словом, растленным сердцем к Необъятному и Непостижимому.

* * *

С того дня, с того разговора, нет, скорее монолога, по сути хорошего человека, но ослепленного своей самостью, прошло больше десяти лет. Теперь он не стоит с рюмкой водки в натренированной самодельными штангами руке, его сбитое тело, испорченное тюремными наколками, не обдувает майский ветерок с ароматом жареного шашлыка, дым от кост-

ра не разделяет его с собеседником, взгляд не искрится, голос не сотрясает воздух небольшой лужайки, приспособленной под пикник. Его постоянное окружение теперь только его мать. Ни друзья, ни жена, ни дети, которых никогда не было, а только мать.

Этот контраст поражал, нет, не поражал, он тихой грустью, с примесью спокойной радости, как бы не было парадоксально такое сочетание чувств, лег на сердце Володиного друга. Он пришел к его постели, к постели того, кого больше десяти лет назад, он, со скорбью и предчувствием неминуемой катастрофы, слушал, ковыряя палкой раскаленные угли костерка, а рядом в мангале шипели куски мяса, чтобы стать закуской гуляющих, веселящихся, но уже приговоренных своей слепотой к падению в бездну бессмысленности и страдания, Володи и его близких.

Взгляд умирающего, который уперся в глаза пришедшего друга, дорогого стоил – он был глубок и осмыслен. В нем было все: осознание своей неправоты, горечь о бессмысленно прожитой жизни, просьба о прощении за тот давний разговор на пикнике, сожаление о том, что никогда уже не сможет отблагодарить своих отца и мать, порадовать их внуками, о том, в конце концов, что ничего уже не изменить. Взгляд Володи источал смиренное понимание, что «точка невозврата» пройдена, понимание и принятие надвигающегося события. Но было в этом взгляде нечто такое, чего не встретишь в глазах людей даже очень мудрых и глубоких, но не приблизив-

шихся вплотную к черте, за которой вечность. В нем было спокойное, практически опытное знание того, что будет за порогом этой временной, бездарно потраченной жизни. Как ни странно, при всем этом знании во взгляде не было страха, была смесь осмысленности происходящего и одновременно некоторая отрешенность от здешней реальности, странное сочетание, поражающая того, кто внимательно всматривается в глаза, умирающего в сознании.

Несмотря на то, что другу Володи приходилось смотреть в глаза людей, осознанно готовящихся к переходу в вечность, во взгляде Владимира было, что-то еще, похожее на жажду встречи с Тем, Кто подарил тебе эти годы, в нем была готовность признать, не оправдывая себя, свою неправоту перед Ним, даже готовность ответить за все свои ошибки, готовность с оттенком страха и ужаса, но... смиренная готовность: с ожиданием заслуженного наказания. Именно этот взгляд, осмысленный и смиренный и внес тихую печальную радость в сердце володиного друга.

Взгляд Владимира был бесценен!

Володя не мог говорить, да этого и не требовалось, друзья поняли друг друга. Далеко не у всех и довольно редко, очень редко бывает в жизни такое, когда молчание и тишина настолько наполнены смыслом, что слова становятся лишними и ненужными.

* * *

Друзья обнялись, как много-много лет назад, вернее даже не обнялись, друг прижался к лежащему и умирающему Володе, по-братски поцеловал его в лоб, выдал какую-то шутку, на что Володя улыбнулся, но, как-то вяло, хотя трезво, честно, грустно и, глубоко с благодарностью посмотрел в глаза уходящему другу детства.

Через неделю друг привез Владимиру знакомого священника, который принял последнюю исповедь Володи, Володя отвечал глазами, после чего батюшка причастил его Тела и Крови Спасителя. А через два дня после этого, в пасмурный апрельский день, Володя отошел к Тому, присутствие Которого он скорее инстинктивно, но всегда ощущал, хотя сделать первый и последний шаг Ему на встречу смог лишь, выйдя на финишную прямую своей короткой, странной, полной падений, скомканной, но все же им самим прожитой жизни.

Встреча

Леонид Кирюшин или просто Ленчик Киря, который во время последнего двухгодичного срока в колонии впервые за свои тридцать пять лет вдруг задумался о своей бездарно проживаемой жизни, вышел из дома во двор. Теплый и солнечный сентябрьский полдень убедил – таки Ленчика не выходить сегодня на стройку, где он числился помощником каменщика, а по сути был обыкновенным разнорабочим.

За год, что он находился на свободе, Ленчик отдалился от своих прежних дружков, новыми толком не обзавелся, от чего, надо сказать страдал, но, тем не менее, возобновлять старые гопотные контакты не намеревался.

Закурив последнюю сигарету, он смял пустую пачку в руке и направился в сторону остановки, где находился ближайший к его дому магазин. Проходя мимо помойки, на которой стояли три до отказа набитые мусором контейнера, он приостановился и кинул смятую, пустую пачку так, будто делал трехочковый бросок в баскетбольную корзину, пачка упала на вершину мусорной кучи, увенчанную букетом завядших цветов, дальнего контейнера, пачка не скатилась и не упала, что несказанно обрадовало Ленчика: «Эн Би Эй в действии, это просто фантастика!», с особым удовольствием произнес парень.

Ленчик шел вдоль допотопных и обшарпанных, местами с

отвалившимися кусками штукатурки, с почерневшими балкончиками и некрашеными оконными рамами двухэтажек, наслаждаясь прекрасным осенним деньком и табачным дымом первой сигареты за день.

Подходя к остановке, он обратил внимание, что толпа, ожидающая свои автобусы и троллейбусы, как то странно скучковалась на одной стороне остановочной площадки, в то время, как на другой ее половине находился только один инвалид, сидевший в инвалидной коляске, с почему то опущенной на грудь головой. «Интересно, а что они так столпились то, вон ведь места сколько», – промелькнул в его голове мысль, до которой, вообще-то, Ленчику не было никакого дела. Подумалось больше от отсутствия других мыслей и от нечего делать.

Ответ на его праздный вопрос пришел быстро. Приблизившись к остановке, а Ленчик шел к ней, как раз со стороны понурого инвалида, ему в нос ударил запах человеческих испражнений и мочи. Под инвалидной коляской было огромное мокрое пятно, вокруг летали мухи, сбоку, возле колеса, стояла картонная, промокшая снизу коробка из-под обуви, в которой валялась какая-то мелочь.

Ленчик остановился в трех метрах от инвалидной коляски. Он видел, как от бедолаги брезгливо отворачиваются прохожие, как в его отсыревшую коробку издалека швыряют копейки, словно объедки со стола цепному, запаршивевшему и голодному псу, как некоторые морщили свои носы, но-

сики, носища, покрывая холенные лица морщинками и морщинами и недовольно возмущались: «что это такое?..какая вонь...куда смотрят?..». Ленчику было не понятен последний вопрос, так как ответ знал даже он: «Смотрят туда же, куда и каждый из нас».

А инвалид сидел в мокрых, запачканных и смердящих брюках с опущенной головой, смирившись со своим положением, просто, ожидая, когда его коробка хоть немного наполнится мелочью и тогда, может быть, кто-то из местных бомжей, что-нибудь ему купит поесть и выпить.

Ленчик всматривался в него. Это был далеко не старый мужчина, немногим старше самого Ленчика. И тогда Ленчик – это разгильдяй и арестант, потративший часть своей жизни на ошибки и всякую ерунду, вдруг постарался понять, что чувствует сейчас этот нестарый мужчина, каково ему сидеть в таком виде под прицелом сотни глаз, в окружении таких же как он мужчин, молодых и красивых женщин, подростков, детей – сидеть, в мокрых от мочи брюках, смердеть и униженно ждать, когда намоченная коробка из-под обуви, хоть немного наполнится мелочью.

Ленчик подошел к инвалиду: «Привет, тебя как звать-то?». Мужчина медленно поднял голову и посмотрел в глаза Ленчику: «Виктор». Ленчик присел на корточки практически напротив Виктора, так, что смотрел на него уже снизу-вверх. Завязался разговор. Прохожие удивленно, а порою с нескрываемым осуждением в глазах и шипящими репли-

ками на устах, поворачивали свои головы, набитые до отказа мыслями о семье, о политике, о подрастающем поколении, о новых покупках, о шашлыках, о лишних калориях и о беге трусцой, в сторону этой парочки: бывшего зэка, и нестарого бездомного инвалида, увлеченно беседующих так, будто они ждали этой встречи долгие годы и наконец дождались.

Ленчик вел себя спокойно и непринужденно, казалось, что они с Виктором старые друзья, а вокруг не жужжит рой зеленых, еще не пропавших до следующего лета мух, нет смердящего запаха, нет мокрого пятна под видевшей виды коляской.

* * *

История Виктора банальна и сурова, как тысячи подобных историй. Родился и жил в Казахстане, после развала СССР в Россию не переехал. Просто Казахстан его Родина, не Россия, так уж выпало. Последние годы периодически приезжал в Россию на заработки, все больше на стройку. Последний раз его и его бригаду, собранную из мужиков с периферии, как говорят в простонародье «кинули». Субподрядчик, а по сути, кровосос-посредник, забрал деньги после сдачи объекта и не появился больше ни на стройке, ни в самой в бригаде, сим-карту в телефоне предусмотрительно сменил. Из вагончиков, в которых проживали работяги, всех горе-строителей само собой поперли, в итоге бригада разбрелась.

Так Виктор остался один. Рассказывая, об утерянных документах, он слегка покраснел и Ленчик предположил, что документы были утеряны, по всей видимости, в пьяном угаре с очередными мимолетными знакомыми.

Ну, есть такая слабость у некоторых мужиков заливать проблемы горькой!

После неудачи со стройкой Виктор начал шабашить, благо на дворе еще стояло лето, связался с бомжами, а три недели назад постепенно стали отказывать ноги, неделю назад не смог самостоятельно передвигаться. Тогда профессиональный инвалид с городского рынка – Паша, зарабатывающий на жизнь песнями под баян, сидя на инвалидной коляске, к которой прикручена табличка с надписью: «Да, не оскудеет рука дающего», и которую он приковывает цепью на подземной парковке, когда уходит домой с очередной «смены» на своих двух, отдал Виктору свою старую коляску. Мир, как выяснилось, не без добрых людей.

Первые несколько дней Виктору помогал, кто-то из местных бомжей, но заботы о хлебе насущном отвлекли помощника от инвалида, из-за чего Виктор остался один на один с собой, со своей обезноженностью, с безденежьем, с расстроенным от всякой полуиспорченной и откровенно непригодной к употреблению пищи кишечником, да еще под открытым небом, так как спуститься в теплотрассу или залезть в подвал он уже на мог.

Под открытым, не всегда ласковым, осенним небом горо-

да – миллионника!

Ночевал Виктор в подъездах, в которые еще не воткнули кодовые замки и разные там домофоны. В таких подъездах были не особо рады подобному соседству. Его материли самые активные и принципиальные теоретики борьбы за порядок в стране, при этом, не стесняясь ни соседей, ни детей, и делали все, чтобы следующую ночь бездомный калека ночевал, где угодно, но только не в их прокуренном, оплеванном ими же самими и исписанном пошлыми фразами подъезде, возле их приватизированных квадратных метрах.

Ничего не поделаешь – собственники, матрацовладельцы. Право имеют!

* * *

«Слушай, Виктор, давай сделаем так! Я сейчас куплю тебе еды, по возможности, потом отвезу в гаражи рядом с моим домом, это близко, там есть закуток. Сбегаю домой, посмотрю кое-какие шмотки, возьму ведро с водой, тряпки там всякие, мыло и помогу тебе помыться, ну и переодеться. Как тебе такой план?».

«Я, ... ну я не против..., но ты же видишь какой я?», – и Виктор глазами показал себе на бедра.

«Ты не заморачивайся, хорошо? Я же предложил, значит знаю, что делаю», – успокоил смутившегося бомжа Ленчик Киря.

Ленчик зашел в магазин, мелочи, небрежно брошенную в коробку, он не взял. Не взял по двум причинам: во-первых, они лежали на промокшем от мочи днище обувной коробки, во-вторых, туда щедрые люди швыряли именно мелочь, которая, по всей видимости, просто мешалась в карманах, кошельках, сумочках. «Вот так и живем: «На тебе, Боже, что мне не гоже», – заглянув в коробку ухмыльнулся Ленчик.

* * *

Через полчаса Ленчик оттирал запачканные ягодицы и ноги Виктора. Сам Виктор кое-как стоял лицом к железному забору, держась руками за его прутья, чтобы не упасть. Ленчик уверено, без чувства брезгливости, даже с какой-то братской теплотой смывал с тощих ног засохшие и прилипшие к коже кусочки испражнений недавно появившегося в его жизни приятеля. Инвалидная коляска также была подвержена санобработке.

Помыв, обтерев Виктора насухо, Ленчик с трудом натянул на него принесенные из дома свои старые брюки. И, наконец, закончив все процедуры, Ленчик выкатил коляску с Виктором из гаражного закоулка, пристроил его возле скамейки в своем дворе, достал из пакета купленные продукты, и пока Виктор с удовольствием жевал колбасу с батоном, отнес ведро домой, заварил банку крепкого чая, обильно подсластил его и вновь вышел к Виктору.

Ленчик отвез Виктора обратно, поставив коляску подальше от прежнего местонахождения. Пообещал прийти вечером, чтобы, если нужно, помочь сходить в туалет, ну и пристроить на ночь в какой-нибудь подъезд.

* * *

Каждое утро, перед работой, Ленчик забегал в подъезд, в котором Виктор провел очередную сентябрьскую ночь, приносил горячий чай, что-нибудь из съестного, оставлял сигареты. Вечером, сломя голову, несясь домой, вез своего товарища в гаражный закоулок и подмывал. Менял Виктору брюки, которых насобирав по соседям, кормил и отвозил на ночлег в незапераемый подъезд.

Ночами уже было довольно холодно, и Ленчик страшился неумолимо наступающих осенних холодов. Его мучил один вопрос: «Что делать с Виктором?», распадающийся на два составляющих: «Как его мыть на холоде? Где оставлять на ночлег?»

«Суки, уроды, козлы!», – ругался в трубку телефона Ленчик Киря, когда снова и снова ему отказывали в социальных службах города, принять инвалида-бомжа. За эти дни Ленчик познакомился с жизнью выброшенных за борт людьми. Он смотрел на их существование и поражался, как мы смогли дойти до такого, когда на улицах, у всех у нас на глазах живут и умирают столько людей? И никому нет никакого де-

ла.

«Подняли нравственность, подняли духовность, люди едят с помойки и замерзают на улицах. Тьфу, блядь!», – разглядывая очередную лоснящуюся рожу с уличного рекламного плаката, в полголоса, не смущаясь прохожих, проговаривал Ленчик, и смачно плевал себе под ноги.

Переживание Ленчика о судьбе Виктора разрешилось само собой. Придя, как то утром в подъезд, где он с вечера оставил Виктора, он увидел такого же бездомного бедолагу, как и Виктор – Федю.

«Лень, привет, мы решили с Федей на зиму в сады уехать, тут недалеко, заброшенные сады есть. Федя говорит, что домик присмотрел, там печка есть, ну и вообще-то безопасно. Ты помоги, пожалуйста, меня в автобус затащить»

Леня задумался, с одной стороны он отдавал себе отчет, что не сможет обеспечить Виктора кровом, с другой стороны понимал, что Федя то сам не далеко ушел от Виктора и следить за другом-инвалидом, кормить его, подмывать, водить в туалет, ему будет, ой, как сложно, очень и очень сложно. Да, ведь еще и пить будут, не дай Бог, пожар устроят.

«Федя, ты точно знаешь, где жить?», – начал парень.

«Да», – без малейшего колебания ответил Федя.

«Точно сможешь за Витьком ухаживать?»

«Да, не вопрос».

«Виктор, ты точно решился? Не боишься?», – повернувшись к калеке, задал вопрос Леонид, пристально всматрива-

ясь в его лицо.

«Нет, нет, Леня, не боюсь. Не переживай, все будет хорошо. Весной вернусь, вот увидишь».

Леонид помог втащить инвалидную коляску вместе с Виктором в автобус. Пожал мозолистую руку приятеля, похлопал его по плечу, выскочил из автобуса. Кивком головы попрощался с Федей. Двери закрылись, Леонид Кирюшин проводил глазами автобус. Автобус, увозящий того, кто, может быть, впервые за всю жизнь помог Ленчику, Лене, Леониду, осознать себя настоящим человеком, мужчиной, способным на жертву, прочувствовать необъяснимую радость в душе и мир со своей беспокойной совестью, пережить неопишуемое ощущение своей нужности, своей бесполезности, увидеть в себе силы и решимость заступиться за Виктора, за таких как он перед кем угодно, а главное, этот бездомный, обезноженный инвалид из далекого Казахстана Виктор, со всей ясностью вдруг дал понять Леониду, что мельчать он больше не будет, что Леонид Кирюшин отныне знает, как надо жить!

Весной Виктор не вернулся.